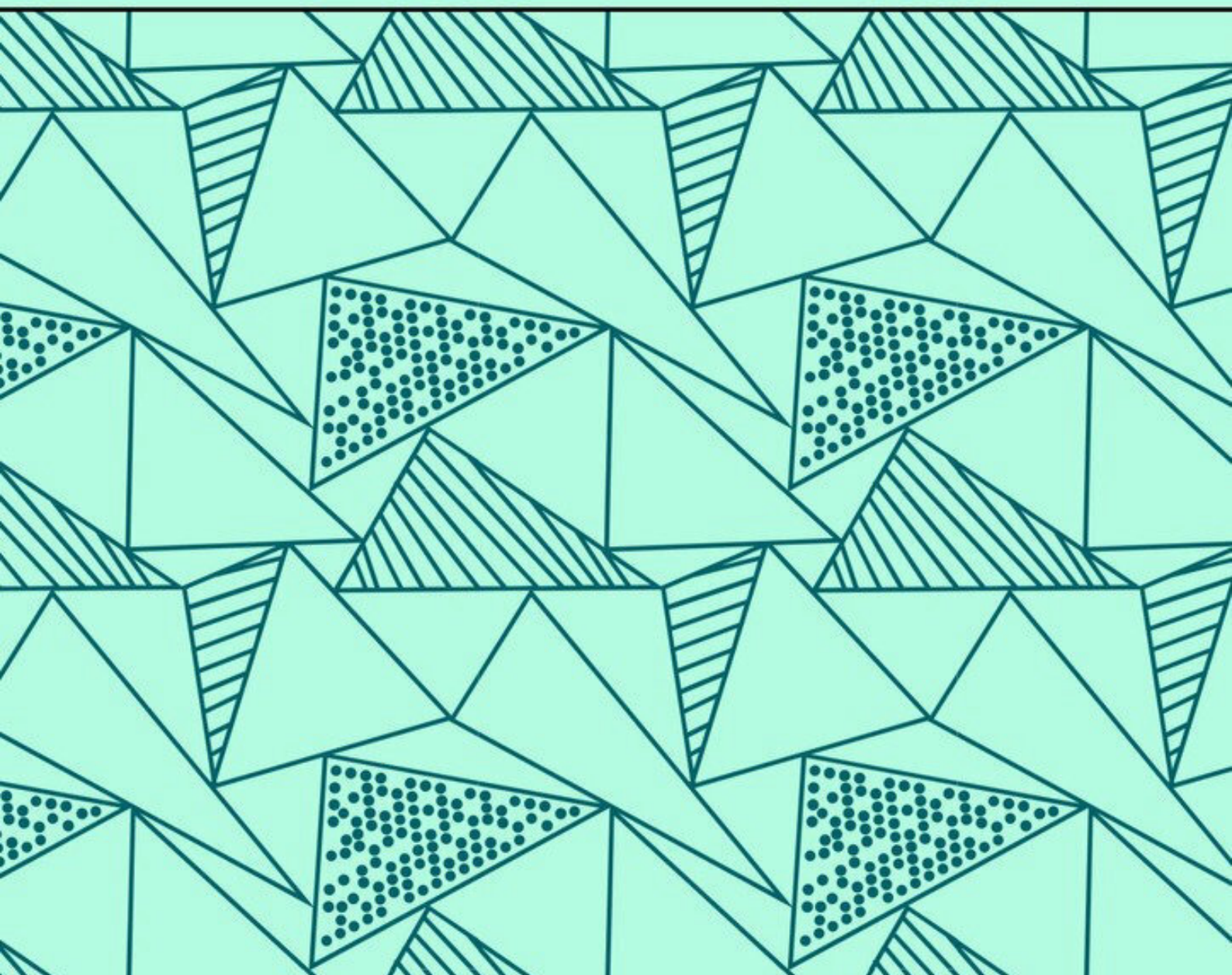

18+ Елена Васильевна Филатова

Впусти меня в своё сердце

Елена Филатова

Впусти меня в своё сердце

«Издательские решения»

Филатова Е. В.

Впусти меня в своё сердце / Е. В. Филатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659839-3

Руслан: полтора года назад мой брат близнец умер от аллергии на наркоз во время операции. Жить тогда совсем не хотелось, наверное, поэтому сел за руль пьяный и доехал до первого столба. Меня спасли, но родители отвернулись от меня. За эти полтора года я встал на ноги после травмы, но неожиданно начались последствия. Марина: устроившись работать в реабилитационный центр, я попала на операцию, которую делали парню без наркоза. Думала, поседею с ним.

ISBN 978-5-00-659839-3

© Филатова Е. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Руслан	6
Глава 1. Марина	8
Глава 2. Марина	11
Глава 3. Руслан	13
Глава 4. Марина	15
Глава 5. Руслан	18
Глава 6. Марина	19
Глава 7. Руслан	21
Глава 8. Марина	22
Глава 9. Руслан	24
Глава 10. Марина	26
Глава 11. Руслан	31
Глава 12. Руслан	33
Глава 13. Марина	35
Глава 14. Марина	38
Глава 15. Руслан	41
Глава 16. Марина	43
Глава 17. Руслан	44
Глава 18. Марина	46
Глава 19. Марина	47
Глава 20. Руслан	49
Глава 21. Марина	52
Глава 22. Руслан	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Впусти меня в своё сердце

Елена Васильевна Филатова

© Елена Васильевна Филатова, 2025

ISBN 978-5-0065-9839-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Руслан

Вот надо было упасть на спину! Ну почему всегда где тонко там и рвётся? Знаю прекрасно, что надо беречь спину, но поскользнулся и упал. Удар пришёлся на поясницу, где был перелом, аж искры из глаз посыпались.

Не хотел показать вида как мне больно при Лине. Зацепила чем-то девчонка. Наверное, своим отношением к парню в инвалидном кресле. Она совсем не замечала этого, не делала разграничений и не считала его каким-то не таким. Я честно первый раз с этим сталкиваюсь.

Стараясь быстрее подняться, несмотря на стреляющую боль, делаю вид, что всё хорошо и хромаю в квартиру, моего брата близнеца Никиты. Его не стало полтора года назад, он не перенёс операции, развилась аллергия на наркоз. У меня, как выяснилось, тоже непереносимость наркоза и анестезии любой.

Поэтому страшно до чёртиков идти на операцию без наркоза. Но без неё никак. Я и так откладывал её очень долго. А сегодняшнее моё падение усугубило всё, судя по резким болевым ощущениям. Нерв зажало при переломе позвоночника, и теперь он даёт о себе знать.

За полтора года из неподвижной амёбы, которой я был после аварии, меня превратили почти в нормального человека, способного ходить. Так страшно было остаться в кресле навсегда.

Конечно я сам виноват в той глупости, что случилась со мною. Но по-другому тогда я не мог поступить.

После того, как узнал, что брата больше нет, меня словно расчленили и не стало половины души и тела. Мы всегда с Никитой были близки. Жить без него тогда совсем не хотелось. Решив покончить со всем разом, напился в хлам и сел за руль. Въехал в первый же попавшийся столб на скорости.

Собирали меня по кусочкам почти, но самое страшное, что во время операции у меня начался анафилактический шок на наркоз. И меня откачали...

Когда очнулся, думал меня трактор переехал. Болело всё тело, дышать практически не получалось без боли и не то, что шевелиться.

Сначала не понял где нахожусь, затем услышал знакомые голоса. Это родители разговаривали с врачом за дверью.

Врач говорил им о моём плачевном состоянии, но слова отца «Этот сволочь оказался живучим» врезались в память навечно. Я не был их любимчиком, никогда. Никита был всегда лучшим и любимым, даже когда он получил травму в скалолазке его буквально носили на руках. Я не был против, ведь люблю его очень до сих пор...

Но я ведь тоже их сын...

За что так со мною?

Помню мать тогда зашла на несколько минут, сказала, что я полный дурак и идиот творить такое. Но при взгляде на меня, начала плакать. Я понял, что она видит не меня, а Никиту и от этого плачет ещё горче.

Отец вывел её из палаты, даже не взглянув на меня. Через минуту вернулся, чтобы сказать, что меня для них больше нет. Мой поступок не может быть оправдан и им больно видеть меня, потому, что я не Никита. Он бы никогда так не сделал. А я недоумок, каким был всегда для них.

Было очень больно осознавать это. Ведь я верил, что всё же нужен им.

Моя девушка Янка пришла ко мне в больницу через пару дней после родителей и сообщила, что уже не моя. Не ходячая амёба ей оказалась не нужна, и она решила добить меня своим решением.

Через неделю, проведённую в больнице мне самому уже не хотелось жить. Я не мог шевелиться без боли. Ходил под себя, не вставал, впал в отчаяние какое-то.

Однажды ко мне в палату зашёл психолог. Долго промывал мозг и боролся с моей депрессией, но это не очень-то помогало.

Месяц спустя ко мне подселили соседа в палату. Тот весь переломанный на растяжке, мог только разговаривать.

Так мы познакомились с Валеркой. Он так первый раз на сноуборде проехался с горы.

Ещё хочет, понравилось ему, оптимист.

Так мы с Валеркой и восстанавливались потихоньку помогая друг другу.

Через семь месяцев меня выписали из больницы в инвалидном кресле. К тому моменту мне очень хотелось встать из него, чего бы мне это не стоило. Нашёл лучший реабилитационный центр в городе и отправился туда.

Полгода усердных тренировок, боли и пота дали результат. Я пошёл, хоть и хромя из-за нерва, но пошёл.

Таким счастливым как в тот день я, наверное, никогда не был.

Но нормально ходить всё же не получалось и мне рекомендовали операцию в центре.

Страшно до чёртиков, но после падения ходить почти невозможно...

Глава 1. Марина

Сегодня мой первый день работы в реабилитационном центре, самом лучшем в нашем городе. Я так давно хотела сюда попасть и вот дождалась.

Стараюсь не опоздать в первый же день работы и прихожу впритык.

– Марин, давай переодевайся, у нас операция начнётся через двадцать минут – говорит мне Татьяна, она медсестра в центре.

– Меня сразу на операцию? – поражаюсь.

– Да будешь вторым ассистентом, так Павел Семёнович сказал, так что поторапливайся, идём.

Она провожает меня до комнаты персонала, где выдаёт мне одежду на операцию и карту пациента, чтобы ознакомилась.

Конечно, я присутствовала на операциях до этого, но не ожидала, что меня в первый же день поставят. Боевое крещение, наверное.

Переодеваюсь в выданный костюм и беру карту в руки.

Каримов Руслан Григорьевич, тридцать один год. Предстоит микродискоэктомия и удаление межпозвонковой грыжи и освобождение седалищного нерва. Фух, не такая уж и сложная операция. Татьяна своим серьёзным настроением немного напугала. Но на таких операциях я была, и они довольно быстрые по времени. Мою руки и одеваю перчатки, чтобы всё проверить по готовности к операции.

Прохожу в операционную. Осматриваюсь.

Здесь прохладно, наверное, так должно быть. Осматриваю инструмент, освещение, проверяю все принадлежности. Всё на своих местах и готово к применению.

Дверь в операционную раскрывается и заходит Пётр Семёнович, Татьяна и ещё одна девушка.

– О вот и наша новая помощница, Мариночка —говорит приветливо Пётр Семёнович.

– Здравствуйте – немного смущаюсь под пристальным взглядом всех.

– Это Даша, мой первый ассистент, а ты будешь на подхвате.

– Хорошо – соглашаюсь.

– Историю болезни изучила? – хитро прищуривается Пётр Семёнович.

– Да, я была на подобных операциях в районной больнице.

– Хорошо, посмотрим – он обошёл стол.

– Я всё проверила и инструменты... – начинаю я.

– Уже, ну ты шустра.

Вспоминаю, что надо поменять перчатки и тщательно обеззаразить руки, хотя я кроме дверных ручек и лампы ничего здесь не трогала.

– Я руки обработаю – захожу за ширму.

Тщательно отмываю руки, обрабатываю, и одеваю перчатки.

Выхожу из-за ширмы и вижу, что пациента уже привезли, и он лежит на столе, на боку. Интересно где анестезиолог?

Через шапочку видно, что парень светленький, симпатичный и очень зажатый. Встречаюсь с ним взглядом. В его глазах, страх и ужас. Так обычно бывает, люди боятся неизвестности, некоторые боли. Глаза парня ярко голубые и блестят от паники. Он так боится?

Захотелось поддержать его, но в этот момент Таня привязывает парня за бёдра и проверяет, крепко ли завязки держат парня. Но ведь это можно сделать пока он будет спать. Он и так в панике.

Таня начинает обрабатывать обеззараживающим раствором его спину. Парень вздрагивает и прикрывает глаза.

Да где же анестезиолог.

– Ну, что Руслан постарайся расслабиться, от того насколько ты будешь расслаблен зависит удачный исход операции, ты же понимаешь.

– Да – глухо сказал парень, а я ничего не поняла.

Меня окутал ужас, когда Пётр Семёнович потянулся за скальпелем.

– А анестезия? – не смогла удержаться от вопроса.

– Вы читали карту – Пётр Семёнович строго посмотрел на меня.

Я кивнула.

– Плохо читали значит, не будет её – он взял в руки скальпель, а я просто офигела от происходящего.

Парень зажмурился и тихо простонал, когда кожи коснулся холодный металл. Он же всё чувствует, он же не спит!!!!

– Расслабься Руслан! – говорит резко Пётр Семёнович и начал раскрывать разрез.

Парень вскрикнул.

– Руслан, я не могу так работать, расслабься.

Легко ему говорить.

Не выдерживаю и подхожу к парню, от меня сейчас и так мало толка.

Он вцепился пальцами в край стола, костяшки пальцев стали белыми, дышал рывками, в уголках глаз блестели слёзы.

– Дыши, глубже – говорю ему и кладу руку поверх его.

Он перевёл взгляд на меня, я присела на корточки, чтобы он, не поворачивая головы видел меня. Он отпустил край стола, а я сжала его пальцы.

– Дыши со мною по счёту. Раз, глубокий вдох, глубже, пожалуйста, давай.

Парень послушался и вдохнул спокойнее.

– Два выдох такой же долгий.

Пока ненадолго удалось отвлечь парня, и он немного успокоился.

Я замечаю, что Пётр Семёнович продолжает и парень вскрикивает опять.

– Тише – придерживаю его за плечо – сосредоточься на дыхании дыши со мною, давай, вдох, медленный, давай.

Парень зажмуривается и пытается вдохнуть, в этот момент Пётр Семёнович, похоже, добрался до грыжи, парень дёрнулся и сильно сжал мои пальцы, громко вскрикнул.

– Руслан, ты что творишь, лежи смирно и не шевелись, ты же понимаешь последствия!

Парень кивнул и тихо застонал.

– Дыши, поехали раз, глубоко и медленно, пожалуйста – тихонько поглаживаю его по плечу.

Он так и не разжимает мои пальцы, медленно вдыхает.

– Вот так, теперь выдыхай медленно, считай до трёх четырёх – начинаю его отвлекать.

Но он опять вскрикивает, и жмуриться, забывая дышать.

– Вдох, давай, мой хороший, ещё немного – уговариваю его, и он медленно вдыхает.

– Марин, держи его крепче за плечи, иначе сдвинет всё сейчас нам.

Пытаюсь удержать парня на одном месте за плечи, знаю, что не очень удобно и не гигиенично, но мне нужно его максимально обездвигнуть. Наклоняюсь к нему и прикасаюсь к его щеке своей, тихо говорю ему на ухо.

– Не двигайся, пожалуйста, я знаю больно, кричи, но не двигайся, пожалуйста – сама немного придавливаю его, чтобы ограничить его движения.

В какой-то момент он вздрагивает, а затем кричит сильно, громко, так надрывно.

– Молодец – говорю ему, когда он замолкает или у него сорвало голос.

Не поднимаюсь от него, вдруг дёрнется.

– Дыши, солнышко, давай.

Он делает короткий вдох и быстрый выдох.

– Медленнее на счёт три давай, раз, два три, вот так умничка – хвалю его, потому, что парень держится из последних сил.

– Почти всё Руслан, потерпи чуть- чуть, Марин, держи его.

Прикасаться к его лицу второй раз как-то неудобно, поэтому крепче держу его за плечи не давая двигаться.

Парень стонет, сильно.

– Дыши – напоминаю ему – медленно, давай.

Парень слушается и медленно вдыхает.

– Молодец, вот так уже почти всё.

– Да почти осталось зашить – слышу Петра Семёновича и немного выдыхаю сама.

Такого в моей жизни ещё не было.

Парень под руками немного расслабляется и начинает сам дышать глубоко.

– Ты молодец – говорю ему.

– Всё, Руслан, мы закончили. Я думал, будет хуже, но ты справился – говорит Пётр Семёнович.

Я отпускаю плечо парня, а он мою руку нет, держит в своей большой ладони, зажмурился и тихо выдохнул.

Татьяна заклеивает ему спину.

– Всё хорошо – легонько глажу его по плечу, и парень открывает глаза – ты справился.

Он переводит взгляд на руки и тихонько разжимает ладонь, выпуская мои пальцы.

– Спасибо – говорит тихо и очень хрипло.

– Не за что, ты молодец.

– Так всё Сергей, Максим, переложите его на каталку и в палату – говорит Пётр Семёнович.

Я отхожу от стола, пропуская санитаров. Парень, не переставая смотрит на меня.

Вспоминаю про лёд. Обычно на шов кладут лёд, да и ему легче будет. Санитары не очень аккуратно перекладывают парня на каталку, от чего он стонет сильно.

– Аккуратнее – говорю им и подхожу к парню.

– Ничего же не чувствует – говорит один из них.

А у меня сердце сжимается от того, что он всё чувствовал и как только перенёс всё это.

– Глянь, в какую его палату – говорит один из санитаров и идёт к столу с бумагами.

– Потерпи немного – говорю парню и замечаю, что его начинает трясти.

Болевой шок?

– Дыши, слышишь —тихонько глажу по плечу и укрываю его простыней – не забывай, это скоро пройдёт, всё уже позади – поправляю простынь у него на плечах.

Он так проникновенно смотрит на меня.

– В шестую его, поехали – говорит один из санитаров и они, резко дёргая каталку вывозят его. Ему же сейчас каждое движение с болью.

Вспоминаю про лёд, хватаю его и хочу пойти следом, но меня окрикает Пётр Семёнович.

– Марина, переодевайтесь и зайдите ко мне – говорит мне он и выходит из операционной.

– Хорошо – говорю ему в спину.

Отлично Зотова! Ты уволена в первый же день работы! Так облажаться просто не реально! Ну почему я нормально его историю болезни не прочитала!

Подхожу к столу и беру карту Руслана. Пролыстываю, но ничего о том, что операция без анестезии не нахожу. Меня кто-то хотел подставить?

Глава 2. Марина

Пытаюсь немного успокоиться после всего пережитого и переодеваюсь. Возвращаюсь в операционную за льдом и картой Руслана, чтобы доказать Петру Семёновичу, что там ничего не сказано про анестезию. Лёд для Руслана естественно никто не забрал, а вот карты его на месте я уже не нахожу. Вот же дура, всё с собою надо было забирать.

Прихватив лёд, иду к Петру Семёновичу в кабинет.

Открываю дверь, а его нет на месте. Отлично.

– Не стесняйся, проходи – вздрагиваю от голоса за спиной.

Оборачиваюсь и пропускаю вперёд Петра Семёновича. У него в руках карта Руслана.

– А лёд зачем? Думаешь, пороть тебя буду за сегодняшнюю оплошность? – присаживается он в кресло.

– В карте нет ни слова об отсутствии анестезии! – взрываюсь я.

– Он аллергик! У него уже был анафилактический, откачали! Ты второго хочешь?

– Но в карте нет ни слова об этом – пытаюсь его убедить.

– Ты последнюю страницу читала? – раскрывает передо мною карту Руслана в которой вклеены новые страницы.

– Этого не было в моей карте!

– Теперь ты на Танюшу будешь наговаривать! Перестань, просто признайся в своей профнепригодности! Так и быть оставлю тебя в помощниках.

– Какой профнепригодности! Я Вам говорю, что в операционной была другая карта!

Выхватываю из его рук карту Руслана и оттягиваю новые странички. На моё счастье, клей ещё не совсем высох, и они начали отходить.

– Видите, их недавно вклеили! Их не было!

Он хмурится, и забирает у меня карту.

– Странно – он убеждается в моей правоте – и кому это нужно было.

– Я не знаю, я первый день у Вас работаю.

– Хорошо. Извините Марина. Понаблюдайте за Каримовым. Он ваш первый пациент – он пролистывает карточку, убеждаясь, что все листы на месте – ему фактически сейчас ничего нельзя, никак не обезболить.

– Я поняла уже. Вот как раз лёд и прихватила.

– Ах, да мы же про него забыли.

– Я могу идти?

– Да, конечно. Все назначения я буду вносить в его карту.

– Тогда передавайте мне её лично в руки, иначе я буду пренебрегать вашими назначениями.

– Я понял, оставьте тогда мне его карту, а завтра с утра зайдёте за ней.

– Хорошо – отдаю ему карту и выхожу из кабинета.

Так интересно кому это я в первый же день перешла дорогу?

Подхожу на пост к Татьяне. Она какая-то нервная, дёрганная.

– Тань, а Каримов в какой палате? – спрашиваю.

– В шестой, а что? – отчего-то краснеет она.

– Объяснишь, как пройти.

– Зачем тебе? – удивляется и смотрит на лёд в моих руках – ой, я забыла совсем, про него, давай я ему отнесу – тянет руки ко льду.

– Я сама, Пётр Семёнович мне поручил его вести, так, что, рассказывай, где у вас палата номер шесть.

Он поджала губы, словно это ей совсем не нравилось.

– Прямо по коридору лифт, на первый этаж, там как выйдешь, идёшь прямо до лестницы. Палата напротив лестницы.

Квест прям какой-то.

– Хорошо, спасибо – разворачиваюсь и иду к лифту.

Странное какое-то поведение у Тани, но чем я могла ей насолить в первый же день, не понимаю.

Выхожу из лифта и иду, иду, наконец-то нахожу эту лестницу. Зачем его так далеко положили.

Из как оказалось шестой палаты выбегает девушка со звонящим телефоном в руке.

Это его девушка? И почему она так спешила его оставить, ведь сейчас ему очень нужна поддержка.

Да, ладно сами разберутся.

Выдыхаю и открываю дверь в палату номер шесть.

Глава 3. Руслан

Никогда не думал, что боль может быть настолько сильной и всепоглощающей. Я очень боялся операции.

Когда она началась я пытался следовать указаниям Петра Семёновича, но расслабляться, совсем не выходило.

Ощущения, когда в твоём нутре ковыряются те ещё. Но когда меня за руку взяла девушка врач, я ничего не видел кроме её глаз. Её лицо скрывала маска, но её карие глаза, большие выразительные и добрые я не забуду никогда.

Она отвлекала меня в самые болезненные моменты, говорила мне, как дышать, чтобы было легче. В какой-то момент она прикоснулась ко мне щекой, и я вдохнул её еле уловимый цветочный аромат, очень приятный. От её прикосновения стало очень тепло и приятно где-то в груди, но потом последовала очень сильная боль, словно в мою поясницу, вогнали штырь и вертят им в разные стороны. Я только услышал её «кричи» и не смог сдержаться, кричал, пока не сел мой голос. Она не отпускала, и я благодарен ей за это. Она словно делила со мною часть боли, что сводила с ума.

Я не сразу понял, когда всё закончилось...

Она сказала «молодец» и отстранилась, а я понял, что всё ещё держу её за руку и не могу, не хочу отпускать. Со мною давно такого не было. Её маленькая тёплая ладошка тонула в моей. Я понял, что туплю и заставил себя разжать ладонь.

Она исчезла из поля зрения, а меня начало окатывать волнами то холода, то жара. Тело не слушалось и стало ватным, в голове шумело, и я прикрыл глаза.

Меня переложили на каталку. От каждого движения простреливало позвоночник, аж искры из глаз сыпались. Стало очень холодно.

Где-то вдалеке мне показалось, что слышу знакомый голос Лины. Может меня просто глючит.

Меня привозят в палату и перекалдывают на кровать. Кладут на спину.

Вскрикиваю от боли, не сдержавшись.

Меня поворачивают на бок и укрывают простынёй. Ну, хотя бы одеялом укрыли бы. Не могу пошевелиться и согреться тоже.

– Руслан – слышу Лину и разлепляю веки.

От холода трясёт аж. Наверное, она с Димкой пришла.

Лина такая растерянная смотрит на меня.

– Что с тобой? – её голос дрогнул.

Не могу пошевелиться, мне кажется, если рот открою, оттуда кроме стоны ничего членораздельного сказать не выйдет.

– Кто вы? И что тут делаете? – узнаю голос Петра Семёновича за спиной, но от неожиданности вздрагиваю, что отдаётся по всему позвоночнику, блин.

– Я знакомая. Что с ним? – поражается Лина.

Я бы объяснил, но нет сил, разговаривать сейчас.

– Знакомая. Должна знать! – отвечает в своей манере Пётр Семёнович.

Он вообще редко с кем церемонится, наверное, с нами так и надо иначе на ноги не встанем.

– Всё, Руслан – ощущаю его прикосновение к плечу и хочу повернуть голову, но боль простреливает, не могу. – Ты молодец, потерпи ещё немного. Это того стоило.

Надеюсь, теперь буду ходить без проблем, осталось только пережить надо этот период боли.

– Знакомая? – спрашивает Пётр Семёнович, хитро прищуриваясь.

Киваю, опять забывшись.

– Понятно. Пойдём, поговорим, знакомая.

Пётр Семёнович уводит Лину. Только не ругайте её за незнание. Ведь это не её проблемы, и она вообще случайная знакомая, которой почему-то не всё равно на меня как всем остальным.

Обидно, что отец даже не увидел того момента, когда я встал на ноги. Хотя о чём я ведь он пожалел тогда, что меня откачали...

Слышу, в палату кто-то заходит. Перед глазами возникает Лина, она присела около кровати.

– Держись – тихонько касается моих пальцев – пальцами шевелишь без боли? – растерянно спрашивает.

Что ей наплёл Пётр Семёнович?

Не могу не улыбнуться её растерянности.

– Хорошо – сжимает мои пальцы.

Её ладонь такая тёплая, не хочу отпускать, хочу ещё немного погреться и сжимаю пальчики. Они похоже на ту, что помогала мне сегодня пережить всё это, но не те.

Немного клонит в сон, и прикрываю глаза.

– Тебе, наверное, надо поспать после всего – говорит Лина тихо, и я соглашаюсь с ней, правда молча.

Ощущаю едва заметные прикосновения к голове, она тихо поглаживает. Поглаживает? Ко мне никто не прикасался так давно, наверное, из-за этого мозг поплыл и начал расслабляться, что-ли, а я проваливаться куда-то где нет боли, где тепло и хорошо и Ник, улыбающийся сидит на зелёной лужайке. Как давно я его не видел...

Слышу резкую трель и открываю глаза, вздрагиваю от неожиданности и позвоночник простреливает такой болью, аж слёзы наворачиваются, пытаюсь немного выдохнуть, как учила меня та девушка в операционной.

– Прости, мне пора, держись – протараторила Лина и поддерживающе сжала мои пальцы. Я что уснул? А она всё это время была здесь? Её телефон разрывается трелью.

– Спасибо – язык наконец-то поддался, и мне удалось хоть что-то сказать. Отпускаю её тёплую ладонь, и она выскакивает из палаты.

Странно что-то давно забытое и похороненное на дне души, вдруг даёт о себе знать. Отчего-то особенно остро сейчас ощущаю своё одиночество. У меня никого нет, ни друзей ни родных, ни девушки. До этого момента меня всё устраивало, но сейчас, отчего-то хочется, чтобы кто-то был рядом, взял тебя за руку и не отпускал. Кто-то родной.

Ой, что-то я стал сентиментальным слишком. Выдыхаю и прикрываю глаза, опять становиться холодно очень, прижимаю руки к груди они тёплые вроде бы, странно, что со мною вообще...

Глава 4. Марина

В палате Руслан лежит один. Он отвёрнут от входа, лежит на боку и укрыт почему-то простынёй, а не одеялом. Его трясёт всего. Он замёрз? Обхожу его и присаживаюсь перед ним, чтобы он не поворачивал голову ко мне. Он внимательно смотрит на меня. У него очень красивые голубые глаза, очень яркие и такие светлые с небольшими вкраплениями. В них можно утонуть.

Кладу лёд на тумбочку рядом с кроватью.

– Ну как ты? – спрашиваю.

– Холодно – сказал тихо.

А я лёд хотела приложить! Странно почему его не укрыли ведь ему сейчас шевелиться практически нельзя.

– Подожди, сейчас – я поднялась и взяла одеяло.

Укрываю его по плечи, наклоняюсь, тихонько подтыкаю одеяло под спину. Ему бы барьер какой-то сделать, ведь нельзя поворачиваться пока.

Он прижимает руки к груди и прикрывает глаза.

У него случайно не температура поднимается?

Прикладываю ладонь к его лбу, и он распахивает глаза, смотрит на меня с удивлением.

Лоб, слава Богу не горячий.

– Температуры вроде бы нет – говорю ему – сейчас согреешься.

Он внимательно смотрит на меня, а я не могу оторвать взгляд от его невероятных голубых глаз. Так приплыли, включай мозг Марина!

Надо сделать ему барьер, пытаюсь немного отвлечься от него и хочу обойти его кровать.

– Спасибо – тихо говорит и чуть касается моей руки, его пальцы просто ледяные.

Останавливаюсь и беру его за руку.

– Ты так замёрз – присаживаюсь перед ним и беру его вторую руку.

– Сейчас немного теплее стало – говорит, немного заикаясь, так как его всё ещё потрясывает.

Присаживаюсь около кровати и начинаю растирать его пальцы, чтобы быстрее согрелась.

Он очень удивлённо смотрит на меня. У него очень красивые руки, длинные пальцы, ладони не мягкие, даже чуть грубоватые, словно он работает ими всё время.

Его пальцы стали немного теплее.

– Вот так уже лучше – отпускаю его руки, понимая, что увлеклась этим растиранием, но он так внимательно смотрел на меня, словно сомневался в чём-то.

– Спасибо – сказал немного хрипло.

Наверное, в горле пересохло.

– Ты пить не хочешь? – решила уточнить.

– Хочу – сказал хриловато.

– Подожди, сейчас принесу воды, или чего-то ещё хочешь?

– От горячего чая не отказался бы – уголки его губ поползли вверх.

– Хорошо, сейчас посмотрю, что можно сделать – говорю ему и выхожу из палаты в поисках автоматов с напитками.

Странно, почему-то раньше ни к одному из пациентов не было такой привязанности, как к Руслану. Отчего-то хочется помочь ему, сделать для него хоть что-то, чтобы ему стало лучше. Это, наверное, отходняк от такой его операции сегодня.

И почему его девушка, выбежавшая из палаты, не помогла ему согреться и даже не укрыла его? Да как-то странно всё это.

В автомате выбираю воду без газа, чёрный чай без добавок и беру сок ради трубочки, ему же тяжело двигаться сейчас.

Возвращаюсь в палату. Руслана перестало трясти, согрелся, наверное.

Ставлю на тумбочку воду и чай. Он пытается приподняться, но тут же морщится и тихо стонет.

– Не двигайся – пресекаю все его попытки – я помогу тебе.

Он рвано выдыхает, в глазах почему-то застыли слёзы. Наверное, сильно больно.

Открываю бутылочку воды и опускаю в неё трубочку от сока. Подношу к его губам.

– Вот так – подаю ему трубочку, и он жадно втягивает в себя воду, прикрывая глаза.

Делает три глотка и выпускает трубочку из губ.

– Спасибо – выдыхает с облегчением.

– Как на счёт чая?

– Я согрелся уже пусть постоит. Я потом сам дотянусь до него.

– Хорошо – ставлю бутылочку на тумбочку, и вспоминаю про лёд – раз ты согрелся, может приложим лёд к пояснице, он поможет немного расслабиться мышцам и уменьшит отёк. Надо было конечно сразу после операции приложить, но тебя быстро увезли, а когда я вспомнила, Пётр Семёнович меня к себе позвал, поэтому я принесла, как только смогла.

– Давай попробуем – он выдохнул и хотел оттянуть одеяло.

– Я сама, не шевелись пока – беру лёд и наклоняюсь над Русланом. Поднимаю одеяло и прикладываю лёд к пояснице, через простыню, он всё же вздрагивает.

Тихонько провожу руками по бокам вдоль позвоночника, его мышцы немного расслабляются.

– Через пол часа уберу не переживай – укрываю его обратно – постарайся расслабиться. Вечером можно будет тихонько двигаться по мере возможности и болевых ощущений.

– Хорошо, спасибо – он наконец-то улыбнулся.

Значит, ему стало легче, это хорошо.

– Постарайся поспать немного, я через полчаса зайду – говорю ему, собираюсь уходить.

– Можно чая немного – робко спрашивает.

– Да конечно.

Беру стакан с чаем, опускаю в него трубочку и подношу к его губам. Чай не такой горячий и он не должен обжечься.

Он тихонечко пьёт чай.

– Спасибо – отстраняется.

– Отдыхай, тебе надо восстанавливаться.

Он смотрит так, словно не хочет, чтобы я уходила.

– Если хочешь, могу побыть здесь с тобой.

– А у тебя разве других пациентов нет? – ухмыляется.

– Нет, я вообще первый день здесь работаю и мне доверили только тебя.

– Правда? – удивляется.

– Ага.

И чего это я с ним разоткровенничалась? Наверное, точно пора идти.

– Хочу – говорит тихо и опускает взгляд.

– Что? – не поняла.

– Побудь немного, с тобой как-то спокойнее.

– Боишься Петра Семёновича?

Он засмеялся, но тут же зажмурился и застонал.

– Тише – присаживаюсь на кровать и тихонько глажу его по укрытому плечу.

Он постепенно расслабляется под моими пальцами и выдыхает спокойно. Глаз не открывает, наверняка спать хочет после всего пережитого.

– Поспи – продолжаю его тихонько гладить по плечу и руке, иногда по спине, проверяя, как расслабляются мышцы.

Через пару минут он задышал ровно, засыпает. Сколько же ему пришлось пережить сегодня, бедный парень.

Вроде бы заснул, и пора уходить, но боюсь, что, когда, поднимусь с кровати, разбужу его. Да и самой уходить от него никуда не хочется почему-то. Разглядываю его. Светленький, чуть выющиеся волосы, нос прямой, широковатые скулы, пухлые губы, длинные ресницы сейчас трепещут отчего-то. Красивый, особенно его глаза мне очень понравились. От него веет мужественностью, силой, но в то же время мне кажется он очень ранимый, хотя может это только, кажется на первый взгляд. У меня просто давно не было парня, наверное, только и всего. Гормоны, всё это чёртовы гормоны виноваты во всём.

Заставляю себя оторваться от Руслана и тихонько поднимаюсь с кровати. У него есть девушка, куда ты Марина размечталась. Выхожу из палаты, пока окончательно голову от него не потеряла.

Поднимаюсь на пост. Таня на меня смотрит волком.

– Ты где пропала? Пётр Семёнович тебе передал – протягивает мне карту Руслана.

Странно мы же с ним договорились про карту.

– Он у себя? – спрашиваю.

– Нет, уехал полчаса назад. Сказал, завтра его не будет.

Может поэтому он оставил карту у Татьяны.

– Хорошо – забираю карту и иду в ординаторскую.

Располагаюсь в кресле и открываю карту Руслана. Вклеены новые страницы и назначения.

Просматриваю. Обезболивающие, витамины группы Б и антибиотик. Из меня кто-то делает дуру? Придётся пренебречь вашими рекомендациями Пётр Семёнович.

Возвращаюсь к Татьяне.

– Каримов полностью на мне, если увижу хоть кого-то рядом с его палатой, скажу Петру Семёновичу. Он поручил мне его вести понятно! – говорю угрожающе.

– Да – Таня испугано кивает.

Не дай Бог вколот ему хоть что-то из этой карты.

Забираю карту с собою и иду в шестую палату, полчаса уже истекли.

Глава 5. Руслан

Не могу не быть эгоистом. Мне очень хочется, чтобы она осталась со мною хоть ненадолго. Сам удивляюсь от себя. Вроде бы уже привык, что всё время один, а сейчас возникло странное чувство. Желание не отпускать эту девушку, что присела около кровати и смотрит в глаза с такой теплотой, от которой сердце начинает стучать чаще. Может, просто у меня давно не было девушки? Да такой овощ, как я никому не нужен.

Когда она взяла меня за руку и стала растирать мои скрюченные от холода пальцы я офонарел просто. Со мною ничего подобного никогда не происходило, она не ладони мои грела, а заставила почувствовать, что-то иное, забытое, запрятанное на самое дно моей души.

Наверное, я испытывал что-то подобное в детстве, когда бабушка отпаивала меня чаем с малиной во время простуды. Меня тогда первый раз привезли в деревню и оставили на месяц. Была такая снежная зима. Я с таким восторгом покорил тогда все горки в посёлке. Накупался в сугробе, это было нечто. Мы с дедом слепили снеговика. После этого я перестал завидовать Нику, что он с родителями поехал отдыхать в Турцию на новый год. Меня не взяли, так как я плохо учился и закончил четверть с тройками. С бабушкой и дедом было весело, и не привычная деревенская жизнь мне очень понравилась. Но на второй день начались последствия моей прогулки, я заболел и очень сильно. Вкус чая с малиной не забуду никогда. Да, детство беспечное, такое тёплое и душевное, жаль оно не навсегда. Как мне не хватает родных, что ушли безвозвратно.

Я решился попросить эту девушку остаться и немного побыть со мною, сведя всё в шутку. Смеюсь, забыв о боли, что простреливает спину. Зажмуриваюсь.

– Тише – слышу её голос, а затем она тихонько прикасается к моему плечу, даря спокойствие и тепло, отвлекая от боли.

Не хочу открывать глаза, потому, что она может увидеть, что сейчас происходит со мною на самом деле, а я не готов к этому и вообще мало, что понимаю сейчас в своих ощущениях. Но отпускать это не хочу, мне приятно и хорошо, когда она рядом. Я даже имени её не знаю, но думаю оно у неё красивое такое же как она сама.

Плаваю в какой-то нежной и тёплой неге, которая затягивает меня всё сильнее. Боль отступает, а вместо неё становится так легко, словно я на облаке и снова вижу Ника вдалеке. Окрикиваю его, бегу, но не могу догнать. Кричу, зову его, но он всё дальше и дальше. На душе так скверно становится, страшно и холодно, а ещё больно. Исчезают все краски, и я лечу вниз, в темноту.

– Так просыпаемся – слышу чей-то резкий голос.

Он совсем не её.

Открываю глаза.

Медсестра ставит посудину со шприцем на тумбочку.

– Сейчас поставим пару уколов, и дальше будите спать – говорит она и тянется к одеялу.

– Какие уколы? – голос хрипит после сна.

Мне не должны ничего ставить.

– Какие прописали – улыбается и оттягивает одеяло на бедре.

Странно очень.

– О, вам не убрали лёд – она стягивает его с поясницы и кладёт на тумбочку.

Чувствую запах спирта, и она начинает мне протирать бедро для укола. Внутри паника начинается какая-то.

Глава 6. Марина

Захожу в палату к Руслану и столбенею. Над ним склонилась медсестра и ставит ему укол. Ему же ничего нельзя.

– Стоять – ору, наверное, как бешенная, но ничего поделать с собою не могу.

Слава Богу, она ещё не проткнула кожу.

– Чего? – она поднимает на меня не понимающий взгляд.

– Никаких уколов, ничего – забираю шприц из её рук.

Руслан пытается повернуться, но тут же зажимается и тихо стонет.

– Не шевелись – касаюсь его оголённого бедра и тихонько поглаживаю.

– А ты кто такая? Командовать тут будешь?

– Я его лечащий врач Зотова Марина Алексеевна, с сегодняшнего дня работаю в вашем отделении и Пётр Семёнович поручил мне лечение Каримова.

– Так уколы назначены же – говорит испуганно медсестра.

– Кем? – мне уже самой интересно становится.

– Дарья Валерьевна мне отдала назначения и сказала, что Петру Семёновичу сегодня некогда, и она взяла часть пациентов – оправдывается девушка.

Я понимаю, что она ни в чём не виновата и при Руслане не этично выяснять всё.

Значит Дарья...

– Я понимаю, наверное, произошла накладка, но прошу вас больше без моих назначений ничего ему не ставить. Вот его карта и она находится у меня. Я лично в случае назначений передам её Вам, договорились?

– Хорошо – пробурчала она и взяла у меня из рук и с тумбы приготовленный второй шприц.

Как-то не удобно перед ней.

– А подскажите где Ваш пост? – интересуюсь.

– За поворотом – сказала она и направилась на выход из палаты.

Выдыхаю, и пытаюсь успокоиться, слава Богу я успела, и она ему ничего не ввела.

Перевожу взгляд на Руслана, он ошарашено смотрит на меня.

Беру одеяло и укрываю его ноги.

– Тебе лёд убрали? – присаживаюсь на край кровати.

– Да она убрала, перед тем как...

– Прости я не знала, что так получится – хочется извиниться, перед ним, ведь зайдя я чуть позже случилось бы непоправимое – я вообще в шоке, что тут происходит.

– Ничего, ты же успела – он тепло улыбнулся и легко коснулся моей руки.

– Ведь тебе чуть не поставили обезболивающее, антибиотик или витамин Б – наверное отхожу от шока, но он должен знать, что ему ничего ставить не должны.

Он ошарашено смотрит на меня.

– Я и сам удивился, что она пришла с уколом – говорит тихо.

– Просто знай, что тебе не должны ставить никакие уколы и, если такое повторится, не дай Бог – отказывайся.

– Я уже понял. Но обычно такого не было.

– Обычно? – не понимаю его.

– Ну, я давно уже здесь нахожусь, и такого не было – говорит немного растеряно.

Он давно здесь?

– А сколько времени ты здесь? – не удерживаюсь от вопроса.

– Чуть меньше года – тяжело выдыхает.

Ничего себе!

- Что с тобой случилось? – очень хочется узнать.
- Это долгая и не интересная история – болезненно морщится.

Похоже, я нарушаю его личное пространство. Зачем я вообще пристаю к нему с расспросами.

- Прости, я не должна была – пытаюсь хоть как-то оправдать свое неуёмное любопытство.

– Ничего – скромно улыбнулся – и спасибо, что спасла от последствий – он легко погладил меня по руке, отчего мурашки побежали по спине.

– Их и не должно быть. Прости, я вообще уже ничего не понимаю. Как такое вообще могло произойти.

- Ничего, возможно, что-то перепутали – грустно улыбается.

- Перепутали, боюсь даже представить, что с тобою могло случиться после всего.

- Не переживай, всё же обошлось – сжимает мою ладонь в своей и улыбается так тепло.

Обошлось.

Не понимаю, чем я Дарье перешла дорогу, ну не ценой же жизни пациента это выяснять.

- Прости ещё раз – мне всё равно неудобно перед ним.

Он так проникновенно смотрит на меня, что тону в его невероятных глазах. Зайди я чуть позже, страшно представить, что было тогда с ним. Становится очень страшно потерять и больше не видеть эти невероятные глаза, напротив.

Глава 7. Руслан

Наконец-то я узнал имя моей спасительницы в прямом смысле этого слова. Если бы она не остановила медсестру, наверное, сейчас бы уже задыхался или душу Богу отдал уже.

Марина красивое имя для необычной девушки.

В её глазах читается сожаление и боль что ли. Она так переживала за меня? За последствия, которые могли бы быть? Или всё же она испугалась за меня? Как эгоисту, мне хочется верить в последний вариант, но это маловероятно.

Не могу удержаться и беру её за руку, хочу успокоить, хотя и сам сейчас не в лучшем состоянии. Её маленькая ладонь тонет в моей. Она смущается и скромно улыбается в ответ. Отчего-то на душе теплее становится и спокойнее. За меня никто так не переживал.

Янка? Нет. Она всегда была холодна со мною. Это я скорее, как параноик всё время хотел рядом быть с ней, ревновал всё время. Одно время даже следил, когда нашёл в её телефоне сообщения от другого мужика. Она отмахнулась, что для неё это просто переписка и ничего более, а меня задело за живое. Правда, уличить её в чём-то мне не удалось. Теперь сам поражаюсь себе, что нашёл в ней? Красивая обложка, а внутри гниль...

– Что-то не так? – карие глаза напротив полны тревоги.

Наверное, на лице отразились все эмоции.

– Всё хорошо – спешу заверить.

Не переживай, пожалуйста.

– Не переживай, я постараюсь тебя оградить от таких вещей, просто меня здесь ещё не все знают.

Оградить? Меня всё больше поражает эта хрупкая девушка.

– Не стоит ругаться в первый же день работы – предупреждаю её, не хочу, чтобы её уволили. Или Пётр Семёнович выговор ей устроил.

– Руслан, я не скандальный человек от слова вообще и ругаться ни с кем не собираюсь, просто хочу разобраться в сложившейся ситуации.

– Ну, перепутали, с кем не бывает – пытаюсь убедить её.

Её взгляд меняется.

– Руслан, а если бы я не успела! Я бы никогда бы не простила бы себе этого!

Всё-таки она переживала за меня, приятно очень, что хоть кому-то до меня есть дело.

И не просто кому-то, а очень красивой и доброй девушке.

– Поэтому я хочу разобраться во всём, чтобы этого не повторилось.

– Хорошо, делай, как знаешь – отпускаю её ладонь, я и так позволил себе лишнего.

– Тебе надо отдохнуть, я узнаю, во сколько будет обед и скажу, чтобы тебе принесли.

К тому времени можно будет начать приподниматься, но садиться полностью пока нельзя – она встаёт с кровати, а мне не хочется, чтобы она уходила.

Удивляюсь, как за такое короткое время я привязался к человеку и не хочу отпускать. Хотя кто я для неё? Просто пациент. У неё наверняка, кто-то есть. А я что могу дать ей сейчас? Ничего, кроме проблем со мною овощем, который ни сидеть, ни стоять, ни ходить без боли не может. Для неё ты только пациент здесь и больше, ничего лишнего и личного быть не может.

– Я найду к тебе в обед, хорошо? – улыбнулась так тепло, коснулась руки, отчего опять сердце подпрыгнуло и побежало.

Зачем ты это всё делаешь? Ведь я же не железный?

Глава 8. Марина

Заставляю себя оторваться от Руслана и выхожу из палаты. Ему нужен отдых, а мне разобраться с тем, что здесь вообще творится.

Ищу пост медсестры. Он оказывается за углом как она и говорила.

Подхожу к посту, девушка поднимает на меня испуганный взгляд. Не хорошо получилось как-то всё.

– Вы извините меня, за резкость. Мне просто стало не по себе от того, что могло бы произойти с Каримовым – решаюсь заговорить первая.

– Ничего – девушка спокойнее выдохнула.

– Как тебя зовут?

– Аня.

– Давай на ты – предлагаю.

– Хорошо – улыбнулась в ответ.

– Просто Каримов аллергик, поэтому у меня была такая реакция.

Глаза девушки расширяются.

– Как? Так если бы я ему – её глаза расширяются в ужасе – но Дарья Валерьевна мне же дала назначения – она что-то ищет на столе – да куда он делся-то.

Она поднимает стекло на столе и стала перебирать бумажки.

– Нет – разочарованно.

– Ну ничего – пытаюсь её успокоить – главное всё обошлось.

– А если бы нет, у меня даже бумаги не осталось – она прикладывает пальцы к губам в ужасе.

Так не одну меня здесь подставляют?

– Не переживай, назначения все были в карте – открываю ей страницу карты.

– Да это всё и было – она с недоумением смотрит на меня.

– Мне эту карту отдала Татьяна, по просьбе Петра Семёновича – решаю признаться – но, я ей сказала, чтобы ничего из прописанного не ставили, потому, что я ещё не разговаривала с Петром Семёновичем, а эти назначения ему противопоказаны.

– Значит, никто ничего не перепутал? – хмурится недоумённо.

– Получается, что нет. Только пожалуйста без моего ведома не ставь ничего Каримову – прошу её, надеюсь послушает.

– Да я поняла уже. Спасибо, что остановили.

– Мы же на ты, Ань – напоминаю.

– Да – немного растерялась.

– Ничего, благо всё поправимо.

Аня наконец-то улыбнулась и немного успокоилась. Надеюсь, в её лице я не приобрету врага, а то похоже мне здесь не очень рады.

– Ань во сколько обед обычно здесь?

– Через полчаса будет.

– Каримову в палату пусть принесут – прошу её.

– Так он же после операции, ему же нельзя пока – поражает меня она.

– Операция была без наркоза, поэтому ему нужно пообедать.

Аня ошарашенно смотрит на меня.

– Ну, так что?

– Сейчас позвоню в пищеблок – она берёт трубку.

Наверное, мне пора.

– А не подскажешь где Дарью Валерьевну найти?

– Не знаю, в ординаторской может быть. Я давно её не видела. Алло – отвечает в трубку – в шестую палату обед нужен. Да, прямо занести. Ага, ну всё – кладёт трубку – принесут.

– Хорошо, спасибо – благодарю её и направляюсь на поиски Дарьи. Чем же я тебе так насолить то успела?

Поднимаюсь на лифте и иду по коридору. Татьяна на посту.

– Тань, а Дарья Валерьевна не знаешь где сейчас?

– Ой, а она ушла чуть раньше на обед, отпросилась.

У кого? Петра Семёновича нет.

– Но после обеда она вернётся, что-то передать – так заискивающе смотрит, аж, противно становится.

Передала бы я ей, а потом повторила бы.

– Нет, сама потом найду – и придушу.

– А всё хорошо? – с чего это она интересуется у меня.

– Всё отлично Тань – отхожу от поста и направляюсь в ординаторскую.

Прохожу, закрывая за собою дверь. На столе Петра Семёновича всё переворошено. Не поняла, его же нет сегодня. И когда я выходила отсюда, на столе всё было в порядке.

Глава 9. Руслан

Марина исчезает из вида, а мне не хочется её отпускать. Поворачиваюсь, забывая о боли, которая спешит напомнить о себе. Уже не вижу, а слышу, как дверь в палату закрывается за Мариной. Она обещала вернуться.

Прикрываю глаза, и пытаюсь, хоть немного расслабиться.

Перед глазами возникает Марина, она улыбается, её улыбка очень тёплая и солнечная, аж самому улыбаться хочется в ответ. Хотелось бы увидеть её настоящую улыбку. О чём это я опять? Для неё я просто пациент и ничего большего...

Незаметно проваливаюсь в сон.

– Так обед – слышу чей-то командный голос и вздрагиваю.

Слышу грохот, а потом перед глазами возникает тележка с едой от которой разноситься запах съестного по всей палате. Желудок заурчал, а во рту начала скапливаться слюна. Хочется есть очень.

– Первое, второе и компот – ставит на тумбочку две тарелки и стакан женщина с очень грубыми чертами лица. Я бы сказал мужеподобная под стать с голосом.

– Спасибо – благодарю её.

– Приятного аппетита – она отходит от тумбочки, и выходит из палаты так же шумно вывозя тележку.

Есть хочется очень и ждать Марину, нет сил.

Пытаюсь приподняться на локте, боль простреливает позвоночник, аж искры из глаз.

– М – не могу сдержать стон.

– Руслан – слышу встревоженный голос Марины.

Но раскрыть глаза не получается очень больно спину

– Тихонько ложись обратно – прохладные пальчики чуть нажимают на мои плечи.

Подчиняюсь ей и опускаюсь обратно, выдыхаю, как же больно-то.

– Где корсет? – спрашивает строго.

– В ящике – тяну руку ко второму.

Она открывает. Там чего только нет, вплоть до туалетной бумаги, я не особо вещи раскладывал сегодня.

Она достаёт корсет.

– Давай-ка сначала оденем, а потом попробуешь пошевелиться, ладно?

– Хорошо.

Стягиваю одеяло на бедра, блин я и забыл, что раздет полностью, надеюсь, она не заметит насколько мне сейчас неловко.

– Я положу под поясницу – она наклоняется надо мною – теперь можешь тихонько поворачиваться на спину – прикасается к моему плечу, поддерживая.

Да с ней как-то всё спокойнее происходит. Перекатываюсь на спину, Марина придерживает, а потом затягивает корсет на животе. Не так больно, как ожидал. Смотрю на неё, серьёзная такая, поджимает губы и закрепляет стягивающие. Залипаю отчего-то на её губах.

– Вот теперь можно немного шевелиться, надеюсь, твой подъём обойдётся без последствий.

– Я не знал, и есть хотелось – зачем-то оправдываюсь.

– Понятно. Так садиться полностью нельзя, можно чуть приподняться. Нужно что-то подложить под спину – она осматривает палату – я возьму подушки.

Она собирает подушки с двух кроватей и кладёт их на край кровати.

– Я помогу тебе немного приподняться и положу подушки под плечи, чтобы тебе было удобнее.

Она наклоняется ко мне ближе, её волосы щекочут мне щёку, непроизвольно втягиваю еле заметный цветочный аромат, который будоражит отчего-то.

Марина подхватывает меня подмышками и притягивает к себе, возникло ощущение, что она обняла меня, и что-то давно забытое, щемяще приятное заскреблось в груди, аж прикрываю глаза, чтобы она не заметила тех, чувств, что царят в моей душе сейчас.

– Потерпи немного, сейчас – она говорит мне на ухо и протягивает подушки у меня за спиной, вырывая из блаженного рая.

Она легко опускает меня на подушки и отстраняется. Открываю глаза. На её щеках играет румянец, она укрывает меня одеялом, делая суетливые движения. Наверное, ей неприятно прикасаться ко мне, жаль, что я не вызываю в тебе тех чувств, что ты во мне, очень жаль.

Стягиваю со спинки полотенце и кладу себе на грудь. Да в таком положении намного удобнее стало даже лежать.

– Тебе помочь? – спрашивает и тянется к тарелкам.

Если только из жалости не надо. Ничего не надо!

– Нет – тянусь к тарелке со вторым и пристраиваю её себе на грудь – у меня самого хорошо получается – не могу не съязвить. Не хочу, чтобы жалела.

– Да это точно – немного грустно улыбается – хорошо я тогда позже зайду, вернём тебя в прежнее положение после обеда.

– Не стоит, вытяну подушки, только и всего.

Она немного растеряно смотрит на меня.

– Постарайся не напрягать поясницу – её голос сел отчего-то.

Неужели я её обидел?

Она грустно улыбнулась, а в глазах заблестели слёзы. Я переборщил похоже.

– Приятного аппетита – она разворачивается и быстрым шагом идёт к двери.

Хочу остановить её, ведь я не прав, но в этот момент тарелка с пюре наклоняется в руках и пюре стекает через край.

– Блин! – дёргаюсь, пытаюсь всё убрать, и тут же шиплю от боли, что пронзает позвоночник.

Самостоятельный да! Помощь тебе не нужна! Болван! Обидеть человека, которому ты впервые за последнее время не безразличен. Это ж надо постараться. Наверное, я за это время разучился общаться с людьми вообще.

Прости меня, Марин, пожалуйста, я не хотел. Смотрю на пюре, размазанное по полотенце. Не хочу его. Ничего не хочу. Аппетит пропал.

Ставлю тарелку обратно на тумбочку и убираю полотенце с груди. Прикрываю глаза и пытаюсь нормально выдохнуть. Не получается. Не хотел я тебя обижать, совсем не хотел, прости меня и вернись, пожалуйста.

Дверь неожиданно открывается, и моё сердце подпрыгивает от радости, но потом тут же срывается в пропасть. Не она.

– Ну, что посуду можно забрать? – заглядывает мужеподобная женщина и походит в палату – а чего не ел? Не нравится? – хмуриться.

– Я не голоден, спасибо.

– Ешь, ужин только в шесть будет.

Ещё четыре часа. Может и правда стоит поесть.

– Зайду через полчаса – бурчит и выходит из палаты.

Стягиваю с тумбочки компот и подношу к губам. Вкусный, но часть проливается на грудь и одеяло.

– Да, что-такое-то!

Вытираю всё полотенцем. Отлично теперь я ещё грязный как свинтус! Зато самостоятельный. Идиот!

Глава 10. Марина

Выбегаю из палаты Руслана, не хочу, чтобы он видел, насколько для меня были обидными его слова. Ведь я просто хотела помочь ему. А он отказался. Возможно, он просто хотел самостоятельности, а может, ему не приятны мои прикосновения, моя помощь. При этом возникло ощущение, что я навязываюсь ему, может так оно и есть.

Надо оставить его в покое. Аня не будет ему ставить ничего и его жизни ничего не угрожает.

А мне, наверное, пора отсюда уходить. Не место мне здесь. Надеюсь, Пётр Семёнович не позволит и не допустит больше такой ошибки с назначениями. Хотя его ведь и завтра не будет, а вдруг Дарья опять что-то не то назначит ему? В душе страх за него поселяется. Нет, не могу я его пока оставить одного, пока до возвращения Петра Семёновича.

– Марин, а ты на обед не идёшь? – слышу голос Ани за спиной.

– Обед?

Я и совсем забыла, что у меня тоже может быть перерыв.

– Да, а куда?

– Идём здесь рядом столовая, тем более у нас перерыв. Пошли.

– Ну ладно – хоть пойму, что здесь к чему.

Мы проходим холл и поворачиваем направо.

– Вот наша столовая – указывает Аня на стеклянные распахнутые двери.

Мы заходим в зал, вдоль стен стоят столики, а по середине – раздача, сбоку подносы и приборы.

– А как здесь оплачивать? – интересуюсь.

Я ведь не взяла с собою ни наличные, ни карту.

– Стоимость обеда вычитают из нашей зарплаты. Средняя стоимость пятьсот рублей, так, что ни в чём себе не отказывай – Аня широко улыбнулась и взяла поднос.

Да если бы я сегодня уволилась, то осталась, бы должна за обед. Отлично!

– А ты давно здесь работаешь? – спрашиваю Аню.

– Не очень, месяца полтора, ещё зарплату не получала с учётом вычетов. Там, наверное, проела больше – смеётся она.

Я рада, что она успокоилась по поводу назначений Руслану. Опять он, да что ж он из головы никак не уйдёт. Выдыхаю, пытаюсь сосредоточиться на салате. Какой же я хочу крабовый или цезарь? Интересно Руслан там поел хоть что-нибудь? А никакой не буду брать. Взяла второе и компот, надеюсь не вышла за лимит.

– Ты что так мало ешь? – спрашивает Аня, накладывая себе пирожков.

– Аппетита нет, что-то – оправдываюсь.

Хотя есть и впрямь не хочется.

– А ты чего такая расстроенная вышла от Каримова? Ему хуже стало?

Блин и она заметила.

Мы присаживаемся за столик. Откровенничать с ней не очень-то хотелось.

– Да так что-то расчувствовалась.

– Да иногда бывает. Я со своим первым пациентом чуть с ума не сошла, опекала, ухаживала, а когда его не стало, всё себя корила, что не доглядела. Хотя он безнадежный был – на её глазах появляются слёзы – умер не в мою смену. А я до сих пор его вспоминаю.

– Ты настолько привязалась к нему? – поражаюсь.

Она только кивнула и смахнула набежавшие слёзы.

Хотя я сама начинаю настолько сильно привязываться к Руслану. Зачем? Чтобы так вот страдать потом как Аня? У него же девушка есть. Только очень странно, почему она оставила

его в таком состоянии одного. И он захотел, чтобы я осталась с ним. Хотя сейчас фактически отказался от меня. Надо как-то ставить блок на своих чувствах и относиться к нему как к пациенту, не позволять себе что-то большее.

– Извини, я что-то расчувствовалась – выдыхает Аня и начинает есть.

– Ничего – поддерживающе улыбнулась ей и принялась за обед, пока не остыл.

Мы обедали, молча пребывая каждая в своих мыслях.

После обеда я заставила себя пройти мимо палаты Руслана. Ведь не нужна, зачем навязываться. Поднялась в ординаторскую и застала Дарью, сидящую в кресле Петра Семёновича. Она искала что-то на его столе.

– Добрый день, Дарья – пытаюсь говорить спокойно, но в душе всё кипит просто.

– Виделись уже – отвечает безразлично – о, а я её как раз ищу – тянет руку к карте Руслана – давай напишу назначения на завтра.

– Нет – отвечаю – это мой пациент и назначения ему могу делать только я или Пётр Семёнович. Так как его сегодня нет, Каримов полностью на мне. И, если я узнаю ещё раз, что ему что-то назначили, или ставят без моего ведома, отвечать будешь по полной не только перед Петром Семёновичем, но и перед судом, за нанесение вреда здоровью пациента.

Усвоила, Дашенька?

Её глаза злобно сощуриваются.

– Да что ты возомнила о себе?! Ты работаешь здесь первый день и решила со своим уставом в наш монастырь! Да ты как врач никакая, сегодняшняя операция это показала! Так что будь добра за назначения, которые Пётр Семёнович написал ему, я к ним отношения никакого не имею, это твой пациент тебе и отвечать за его самочувствие. Надеюсь, он жив до сих пор – язвительно очень – или загнулся уже?

– Вот именно, что мой. И я тебя предупредила о назначениях без моего ведома!

– Надо больно – фыркнула.

– Дашь, ведь ты же понимаешь, то могло произойти с ним? – уже не выдерживаю.

– Ты о чём?

– О последствиях, если бы ему поставили всё, что назначили? Он же аллергик.

– Я понятия не имею о чём ты – отвлекается на кипу карточек на столе.

– Ведь это жизнь человека, неужели для тебя это ничего не значит? Неужели важнее подставить меня? Ведь я уйду отсюда при желании, а его могли бы не спасти сегодня. Я вообще тебя не понимаю.

Она не смотрит в глаза, поджимает губы и листает первую попавшуюся карточку.

– Я не понимаю о чём ты – бурчит, не отрывая взгляда от карты.

Бесполезно с ней разговаривать. Надеюсь, ты больше никому не навредишь сегодня.

– Надеюсь, ты меня услышала – говорю ей.

Нет никакого желания оставаться с ней наедине. Выхожу из ординаторской и только сейчас замечаю, что всё это время крепко прижимала к груди карту Руслана.

Ну как его оставишь здесь одного с этой мегерой?

Не выдерживаю и спускаюсь к нему в палату. Хочу увидеть его и убедиться, что поел, что всё у него хорошо в отличие от меня. Подхожу к палате и слышу доносящиеся из-за двери тихие стоны. Спешу распахнуть дверь и забегаю в палату.

Руслан спит, лёжа на спине. И ему снится что-то от чего он вздрагивает и тихо стонет. Похоже не очень приятный сон. Замечаю на тумбочке не тронутый обед. Он же начинал, есть, почему не стал.

– М – он хмурится и стонет.

Не могу спокойно смотреть на это, хотя давала себе обещание не пересекать границы. Не могу я так.

Присаживаюсь на кровать и тихо касаюсь его плеча.

– Руслан, проснись – немного тереблю его по плечу.

Он распахивает глаза и ошарашено смотрит на меня. Потом хмурится отчего-то. Ему неприятны мои прикосновения? Отдёргиваю руку и поднимаюсь с кровати.

– Тебе снился не очень хороший сон, поэтому я решила разбудить – зачем-то оправдываюсь.

– Ты теперь и сны мои охраняешь? – улыбнулся в ответ.

– Нет, просто ты дёргался во сне, а движения вызывали боль, поэтому решила прервать твои мучения. Наверное, зря, извини, если так.

Хочу уйти. Зачем я вообще пришла? Я уже его не понимаю и себя тоже. Я хочу находиться рядом с ним, а он, наверное, не хочет этого.

– Подожди – он тянет руку ко мне- это ты извини меня за резкость пожалуйста, я...я давно нормально не общался с людьми. Разучился наверное – грустно улыбнулся.

Его признание ошарашивает, просто. Что случилось с тобою, что ты так замкнулся в себе? Он так проникновенно смотрит на меня.

– Ничего, всё нормально – пытаюсь его заверить.

– Не обижайся на меня, меня просто бесит моя беспомощность, поэтому так получается.

– Мне не сложно тебе помогать – хочу убедить его – но, если тебе неприятно я не буду – признаюсь ему.

– Мне? – удивляется – Марин мне нравится всё, что ты делаешь и это тебе надо задуматься, а стоит ли помогать такому овощу как я. У меня же ничего не получается. Даже поесть нормально не смог- виновато поджимает губы.

Овощу?

– Совсем ты не овощ – присаживаюсь обратно на кровать – завтра вставать попробуем, не переживай у тебя всё получится – взяла его за руку, и он крепко сжал мои пальцы в ответ.

Значит ему не неприятно, раз ответил.

– А почему не поел?

– Не получилось. Пюре и компот на себя пролил – бурчит недовольно.

– Я помогу – тянусь к полотенцу.

– Нет – он пытается меня остановить, но уже поздно. Полотенце оказывается грязным, всё в компоте и пюре.

– Возьмём другое – поднимаюсь и беру полотенце с соседней кровати.

Стелю чистое полотенце ему на грудь. Он внимательно смотрит за моими движениями, аж смущаюсь под столь пристальным взглядом.

Всё остыло, конечно, но рядом с постом Ани я видела микроволновку и пару столов.

– Всё холодное, давай я схожу, подогрею – предлагаю ему.

– Да, ладно так поем – он тянется к ложке.

– Тёплое, вкуснее и полезнее – поднимаюсь с кровати.

– Марин – он берёт меня за руку – спасибо что помогаешь – так искренне смотрит в глаза.

Что с ним случилось, если за такую малость, он благодарит.

– Мне не сложно и приятно тебе помогать – отвечаю ему.

– Всё равно спасибо – улыбнулся так тепло и отпустил мою руку.

– Я сейчас – беру тарелки с его обедом и выхожу из палаты.

Дохожу до поста Ани.

– Ты чего не наелась? – улыбается Аня.

– Нет, Каримов не поел, хочу подогреть.

– А, понятно.

Ставлю тарелки на стол и грею их по очереди.

Блин, тарелки то теперь горячие.

– Помочь донести? – спрашивает Аня.

– Да если можно – соглашаюсь.

Она берет вторую тарелку и помогает мне всё занести в палату.

Руслан удивлённо смотрит на меня.

Аня молча выходит из палаты, а я присаживаюсь на край кровати.

– Сначала суп – беру в руки тарелку с супом и ложку.

– Ты меня кормить будешь? – удивлённо смотрит на меня.

– Ну, тебе сейчас в твоём положении неудобно и всё расплещешь – подцепляю ложкой суп – направляю ему в рот.

Ложка исчезает в его губах, а он со стоном блаженно жмуриться.

– Вкусно – улыбается.

– А я говорила, что тёплое вкуснее – отправляю ещё одну ложку ему в рот.

Ест с удовольствием. Мне так приятно на душе становится, что я могу для него хоть что-то приятное сделать за сегодняшний день.

– Спасибо – говорит, когда доедена последняя ложка с пюре.

– На здоровье. Тебе надо набираться сил, чтобы поправится – ставлю посуду на тумбочку.

– Я знаю – немного замаялся – но с твоей помощью это как-то легче проходит и спокойнее.

– Я рада, что тебе становится лучше.

– Это только твоими стараниями – улыбается – если бы не ты ещё не известно, что было бы со мною сейчас.

Вспоминаю про укол, что хотела ему поставить Аня и опять не по себе становится.

– Не позволяй никому тебе что-либо ставить, ладно – напоминаю ему.

– Но ты же будешь рядом – встревоженно всматривается в глаза.

– Руслан, я не знаю – решаюсь ему признаться – сегодня вообще мой первый день работы здесь и за это время много что произошло, и вполне возможно дождавшись, Петра Семёновича мне придётся уйти. Я просто переживаю за тебя ведь с этим уколом не всё так просто. Я пока всё ещё не выяснила, но мне кажется, меня хотели подставить. И я вообще не понимаю, как можно быть такими бездушными и играть с жизнью человека, с твоей жизнью.

– Марин – он берёт меня за руку – но зачем это и кому надо было.

– Кому я знаю, но зачем ещё не поняла. И очень жаль, что Петра Семёновича завтра не будет, я бы поговорила с ним. И уж если на кану жизни людей, я уйду не задумываясь.

– Не надо ты что?! – он встревоженно смотрит в глаза и пытается приподняться, словно хочет быть ближе ко мне, но тут же морщится и шипит от боли.

– Тебе нельзя, садится – напоминаю ему и подхватываю под плечи.

Держу его на весу, наверное, спина устала в одном положении. Он так близко, что непроизвольно вдыхаю его мужской тягучий запах.

Ощуаю его руки у себя на спине, он прикасается к лопаткам, и притягивает ближе к себе, от неожиданности не могу удержать его на весу, и мы опускаемся вместе на подушки.

Он проводит носом вдоль шеи, жадно втягивая воздух, от этого жеста мурашки побежали по спине.

– Не уходи Марин, пожалуйста. Не оставляй меня одного – его хриплый голос будоражит до корней волос.

Он притягивает к себе ещё сильнее, не позволяя шевелиться, укладывает головой к себе на плечо, тихонько поглаживая по голове и спине. Отчего то расслабляюсь, и вся эта ситуация с Дашей отпускает. Прикрываю глаза на секунду, наслаждаясь близостью Руслана.

– Хорошо, на пару дней останусь – шепчу ему.

– Не переживай, всё наладится – говорит хрипло – не уходи только, пожалуйста.

Ощуаю прикосновение его губ к виску, столько тепла и нежности чувствуется в этом жесте, что меня просто накрывает. Не могу удержаться и прижимаюсь губами к его щеке с чуть

колючей щетиной. Ощущаю, как вздрогнули его пальцы на спине. У меня совсем мозг поплыл, наверное, от его близости.

Глава 11. Руслан

Прикрываю глаза и наслаждаюсь её близостью. Она так приятно пахнет цветами, что начинает кружиться голова. Не хочу отпускать от себя Марину. Она лежит на моём плече и от этого так тепло и приятно на душе.

Боюсь, что через два дня она уйдёт отсюда и исчезнет из моей жизни. Я всегда теряю то, что мне дорого. Я не знаю почему. Почему Господь забирает у меня всё? Ника, родителей, Яну. Что я сделал такого в жизни, чем заслужил всё это? Тем, что пахал как папа Карло, чтобы учиться в институте. Ведь родители даже тогда не стали мне помогать деньгами. Нику оплатили дневное обучение, на меня уже не хватило ни денег, ни любви как выяснилось. Днём учился, вечером работал на заводе во вторую смену. Домой приползал без рук, без ног, только ночевать. Мои поздние явления домой не устроили родителей, и они сняли мне комнату в общежитии. Ну что ж и на этом спасибо, не вышвырнули на улицу. Но со второго месяца я был вынужден платить за неё сам. Потому, что мои успехи в учёбе долетели до отца. Естественно с таким графиком работы я ничего не успевал по учёбе. Ник иногда выручал, но у него другая специальность, к тому же отец, прознав про это, запретил ему мне помогать. А мне недоумку, ещё и общежитие оплачивать пришлось. Пришлось устроиться в автосервис и по ночам, забыв про сон делать тачки.

Не знаю, как я всё это вывез, хвала энергетикам, наверное. Но с четвёртого курса стало легче. На заводе меня повысили, и я стал мастером участка. Зарплата поднялась, и я смог снять себе нормальную квартиру. Времени немного освободилось для учёбы. В общем, диплом я получил без троек, чему безмерно был рад.

Летел к родителям похвастаться, ведь мы с Ником закончили учиться.

Но застал я их выходящих из подъезда с чемоданами. Они собрались на море отмечать завершение учёбы Ника. Ведь у него красный диплом, а не обычный как у меня.

Мама поздравила меня, поцеловала в щёку, Ник, пожал руку, отец даже не подошёл. Он молча сел в такси, словно меня здесь и не было вовсе. Не оправдал его ожиданий.

Машина скрылась за поворотом, а я всё стоял и не мог понять, почему? Что со мною не так? Ведь я же ваш сын тоже. Но оказался совсем не нужным.

Никому не нужным...

Никому, кроме девушки, что сейчас прижимаю к груди, боюсь отпустить. Вдруг это всё опять пройдёт, закончится. Она исчезнет. И настанут мои обычные серые будни. В которых, иногда сдохнуть хочется от пустоты и одиночества.

– Ну, что освободил посуду – раздаётся голос мужеподобной женщины, что принесла обед.

Марина вздрагивает и отстраняется от меня.

– Да вот возьмите – Марина поднимается с кровати и отдаёт тарелки женщине – ужин тоже принесите ему пока нельзя вставать. Завтра только.

– Хорошо – пробурчала женщина в ответ.

– А во сколько ужин?

– В шесть – женщина скрывается за дверью.

Марина опускает взгляд. Ей неловко? Она смущается?

– Что-то не так? – решаюсь спросить.

– Нет, просто в шесть мне нужно передать всё дежурному врачу. Моё дежурство закончится.

– Но ты же вернёшься завтра?

Не оставляй меня пожалуйста!

– Конечно, я просто подумала, может, ты подождёшь меня? Я всё передам и вернусь, помогу тебе поужинать.

Ах вот ты о чём. Аж, дышать легче стало.

– Конечно, я дождусь тебя.

– Хорошо – она присела на кровать.

Не могу удержаться и беру её за руку, не могу не прикоснуться.

– Тебе, наверное, нужно отдохнуть, поспать немного.

Может быть.

– Да я не устал, лежу целый день.

– Тебе и нужно восстанавливаться.

– С тобой как-то спокойнее – говорю, как есть, не думал, что голос подведёт.

– Хорошо я побуду рядом, постерегу твой сон – она улыбнулась – могу почитать тебе что-нибудь.

– Лучше расскажи о себе – прошу её.

Хочется узнать хоть что-нибудь о тебе.

– Какой ты хитрый – смеётся – о себе рассказывать не хочешь, а меня просишь.

– Обо мне скучно и не интересно. Не хочу, Марин.

Не хочу вспоминать ничего, больно, а рассказывать и того хуже.

– Хорошо, но пообещай, что когда-нибудь расскажешь. Мне хотелось бы это услышать – её голос стал грустным.

Хотелось услышать? Ты не перестаёшь меня удивлять Марин.

– Может быть когда-нибудь – обещаю ей.

– Уже хорошо – улыбнулась тепло, аж дыхание перехватило.

Так хорошо на душе стало, что все неприятные воспоминания отошли на второй план.

Мне так хорошо с ней. Я тону в её карих глазах, медовой радужке с мелкими крапинками.

– Ну, что закрывай глазки и слушай – она погладила по руке, отчего мурашки побежали по спине.

Прикрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться на её голосе, но её убаюкивающий голос так и уносит в поля, деревеньку, бревенчатую избу, в которой пахнет свежим хлебом и молоком, теплом, любовью и заботой.

– Я вернусь – слышится где-то на границе сознания, но я уже не здесь, а где-то в далёком детстве, где всё казалось таким беззаботным, и каждый день дарил радость и счастье.

Глава 12. Руслан

– Ужин – громыхает чей-то голос.

От неожиданности вздрагиваю, и спину простреливает, аж искры из глаз сыплются, зажмуриваюсь и пытаюсь выдохнуть.

Женщина с подносом еды проходит в палату и ставит на тумбочку тарелку с какой-то кашей и компот. Каша выглядит не очень аппетитно, геркулесовая что ли.

– Приятного аппетита – говорит женщина и торопится выйти.

– Спасибо – отвечаю ей.

В животе заурчало. Я обещал Марине дождаться её, но аппетит проснулся, да и каша пока тёплая может ничего на вкус будет.

Стелю полотенце на грудь и тянусь к тарелке, стараясь не обращать внимания на боль в пояснице.

Каша, это же не пюре, через край не стечёт.

Пристраиваю тарелку на груди. Немного неудобно и приходится горбиться, чтобы не обляпаться, но есть хочется.

Конечно, хотелось бы, чтобы сейчас в палату зашла Марина, улыбнулась мне и помогла, но я должен быть самостоятельным. И не обязана она, со мною возится, но очень этого хочется, наверное, потому, что я эгоист.

Немного приноровившись, получается поесть. Хотя каша, одним словом не очень. Зато полезная, наверное.

Приговорив ужин, ставлю всё аккуратно на тумбочку. У меня всё получилось и, даже не испачкался. Моя маленькая победа за сегодня, не считая операции. Надеюсь, она мне поможет, и эта боль наконец-то пройдёт, отпустит и я смогу жить и ходить как нормальный человек.

А я и забыл уже как это, нормально жить, строить планы на будущее...

Неожиданно открывается дверь в палату и моё сердце подскакивает. Марина?

Но вместо неё в палату заходит молодой врач.

– Добрый вечер. Как себя чувствуете?

– Хорошо – отвечаю на автомате.

– Можно вас осмотреть? – берёт край одеяла.

Не мешаю ему, и он стягивает одеяло с меня.

– О уже в корсете, хорошо. Давно?

– С обеда – отвечаю.

– Надо снять. Не больше четырёх часов в день.

Он растёгивает корсет.

– Повернитесь на бок, мне нужно посмотреть шов.

– Хорошо.

Пытаюсь не спеша повернуться, но всё же больно и без корсета, почему-то страшновато шевелится.

– Вот так – он поторапливает меня и резко поворачивает, надавливая на плечо. Чуть не вскрикиваю от боли, прикусываю губу и пытаюсь выдохнуть.

Он прощупывает шов через повязку, чувствую каждое нажатие, больно.

– Хм, припухло.

Он отклеивает повязку.

– Не очень, сейчас скажу сестре, чтобы обработала, воспалился шов.

Вот только этого мне не хватало.

– Нужны, противовоспалительные, но Марина Алексеевна говорила, что вам ничего нельзя такого.

Значит он дежурный врач. И если Марина ему всё рассказала, значит, она уже ушла домой. И не зашла ко мне...

А я ведь ждал её...

– Ладно, пока обрабатываем просто. Я переговорю с ней, и если разрешит, то поставим противовоспалительное.

– У меня аллергия – напоминаю ему.

– Я знаю, но, если попробовать с антигистаминным, может что и получится, надо наблюдать – он приклеивает обратно пластырь – сейчас вам просто обработают не переживайте.

Он выходит из палаты.

Значит, ты всё-таки ушла Марина, хотя обещала вернуться, и я это помню. Обидно, что твои обещания ничего для тебя не значат. А я поверил.

Слышу, что дверь открывается, но я уже точно знаю, что это не она.

Шов мне обработали, посуду забрали, и ложиться на спину запретили. Стоило тебе исчезнуть, как мой организм начал сыпаться без тебя. Да что это такое-то. Нельзя так привязываться к человеку, ведь разочаровываться в нём будет в разы больнее.

Прикрываю глаза и пытаюсь уснуть, за окном темно и свет в палате никто мне не включил. Темно и холодно, за окном идёт снег и в свете фонаря смотрится так красиво и тихо. Есть в этой тишине что-то завораживающее. Сейчас бы гулять под этим снегом, держать за руку ту, что дарит мне тепло и спокойствие. Ну и пусть она сегодня не зашла ко мне вечером, но она повлияла на дежурного врача с учётом всех требований и это приятно.

Но вот то, что шов воспалился, не радует совсем. Надеюсь, ты меня поставишь на ноги Марина, ты же обещала завтра. Хотя... Ты сегодня тоже обещала и не пришла.

Слышу, дверь открывается, но свет не включают, странно. Кто-то тихонько подходит к кровати.

– Ты спишь? – слышу знакомый голос и хочется улыбаться от счастья, что затапливает грудь. Ты всё-таки пришла.

Глава 13. Марина

Руслан засыпает под мой рассказ, про детство в деревне у бабушки. Да я приехала сюда учиться из пригорода, но он навсегда в моём сердце. Я очень люблю родной посёлок. Жаль, что родители всё же продали бабушкин дом и переехали сюда вслед за мною. Квартира, что купили родители не сравнится никогда с домом, в котором мы жили раньше. Он был большой, с красивым садом, в котором мама всегда выращивала розы. Мне порой не хватает той размеренной, тихой и уютной жизни, которая была там.

Два года назад не стало моего родного и любимого папы. Он попал под машину, его не успели довести до больницы. Мама мне кажется до сих пор не приняла этого, но старается держаться. Всё пытается сосватать меня сыновьям своих подруг, но... у меня нет желания так знакомиться. Слово корову на смотрины приведут, сгожусь или нет. Нет, это не для меня. Моя судьба мимо не пройдёт и если суждено, то зацепится, а если нет, то нет.

В институте был один человек, который стал мне дорог. Мы встречались с ним даже несколько месяцев. Я поверила, впервые в жизни была счастлива очень, но...

Ему предложили вакантное и хорошо оплачиваемое место в другом городе. И меня с собою он не позвал...

Мы расстались вроде бы мирно, но почему-то было чертовски обидно понимать, что я для него была лишь временным увлечением, и переезд он давно планировал, только мне забыл об этом сказать...

Как-то так.

Об этом я естественно не стала говорить Руслану, да он бы и не услышал. Он так быстро уснул. Наверное, организму много сил требуется на восстановление.

Пока он спит, рассматриваю его. Его чуть выющиеся волосы прядками спадают на лоб. У него широкие скулы и волевой подбородок. Пухлые слегка приоткрытые губы, они у него такие нежные. Вспоминаю, как поцеловал в висок, аж, дыхание сбивается. Его длинные ресницы чуть трепещут. Его внешность настолько притягательна, что не хочется отпускать его руку и уходить, хочется, как можно дольше быть рядом.

Слышу, дверь в палату приоткрывается и заглядывает Аня. Показываю ей, чтобы не шумела, и она останавливается.

Тихонько поднимаюсь, чтобы его не разбудить и выхожу из палаты.

– Марин, там Татьяна тебя искала, просила к ней подойти.

– Хорошо, спасибо, Ань.

Девушка кивнула и пошла на пост.

Поднимаюсь к Татьяне и нахожу её на посту.

– Ну наконец-то, тебя не дождался сегодня – ворчит она.

– А что случилось?

– Вот анализы Каримова забери, после операции взяли.

Просматриваю показатели, пока всё не совсем плохо, СОЭ повышенный, возможно повлияла операция. Надо будет проверить через пару дней.

Через пару дней меня, возможно выпрут отсюда, размечталась об анализах.

– А когда приходит дежурный врач и где его найти.

– А Максим Леонидович к пяти обычно подходит в ординаторскую.

– Спасибо.

Иду в ординаторскую, там моё законное рабочее место на сегодня и прятаться от Даши я не намерена.

Открываю дверь, в ординаторской никого. Как хорошо. Прохожу к своему столу и присаживаюсь в кресло.

Прикрываю глаза на пять секунд и наслаждаюсь тишиной, которую нарушает телефонный звонок общего телефона. Беру трубку.

– Аллю.

– Ну, ты скоро уже, у меня час до возвращения Людмилы – слышу голос Петра Семёновича и ничего не понимаю.

– Какого возвращения – бормочу, пытаюсь понять.

– Дарья, не тупи, подняла свою попку и пулей ко мне, сегодня тебе по ней достанется за опоздание. Поняла меня! И прихвати свои штучки, мне понравились они на тебе в прошлый раз – звонок обрывается, а меня аж передёргивает.

Господи Боже, зачем я только взяла трубку! Как представила себе этого голого старикана, аж обед к горлу подкатил.

Пытаюсь нормально выдохнуть. Это что же получается. Даша спит с Петром Семёновичем. Как противно и неприятно оказаться в этом замесе. Нет, я здесь точно работать не буду. Ради чего она с ним? Ведь молодая девушка и старик. Я в шоке от этого. Неужели она увидела во мне соперницу и поэтому решила подставить? Какая же она глупая, я никогда не пойду на это и мне не зачем.

Но Руслан, я обещала ему остаться на пару дней. Завтра он попробует встать и если всё будет хорошо, то он пойдёт сам через пару дней. А я здесь на дольше и не задержусь. Вернусь в нашу больницу, меня оттуда отпускать не хотели, значит, может и назад возьмут.

Пока нужно Руслана поставить на ноги.

Пытаюсь успокоиться, и настроиться на дальнейшую работу.

Заполняю журналы по смене для Максима Леонидовича.

За работой время пролетает незаметно. Дарья так и не появлялась, я очень рада этому.

– Добрый вечер – в ординаторскую заходит молодой человек.

– Здравствуйте – растерянно отвечаю.

– Вы, наверное, новенькая? Я Максим – широко и открыто улыбнулся парень.

Это дежурный врач. Почему-то я его себе старше представляла.

– Я Марина – протягиваю ему руку.

– Очень приятно. Ну как тут у вас? Пока спокойно.

Я рассказываю ему про Руслана, даю все рекомендации, предупреждаю обо всём. Даю ему свой номер, чтобы в случае чего звонил мне по работе.

Максим оказался очень приятным и открытым молодым человеком. Вот с ним мне не страшно оставлять Руслана на ночь.

Передав все дела Максиму выхожу из ординаторской и переодевшись в свои вещи иду к Руслану. Я обещала ему помочь с ужином. Да что там помочь, ноги сами меня несут к нему, хочу его увидеть и убедиться, что с ним всё хорошо.

Открываю дверь в его палату и прохожу. Но сделав пару шагов останавливаюсь. Он спит, так сладко, аж что-то мурчит во сне. Не стоит его будить, пусть отдыхает и восстанавливается после всего. Ему нужны силы.

Тихонько прикрываю дверь в его палату и иду на выход из центра. Надеюсь, он не обидится на меня и справится сам.

Вызываю такси и еду домой.

Первый рабочий день закончен, какое счастье. Это был очень странный и непривычный для меня день, но в нём были и приятные моменты, связанные с Русланом.

Поднимаюсь домой и открываю дверь. Меня встречает Марк, мой кот. Ластится об ноги выпрашивая еду.

Кормлю его и собираюсь готовить ужин, но меня отвлекает телефонный звонок. Это Максим. Неужели что-то случилось?

– Аллю – беру трубку.

– Марин, извини, что отвлекаю, но у Каримова воспалился шов и припух. Намокла повязка.

Неужели. Только этого не хватало ему до полного счастья.

– В общем, мы шов обработали. Я думаю дать ему противовоспалительное, и если пойдёт аллергия, антигистаминное или сразу антигистаминную? Как думаешь?

– Не надо ничего ему давать, я приеду сейчас.

– Зачем? Он так-то себя нормально чувствует.

Нормально?! С воспалившимся швом?

– Максим я несу ответственность за его лечение. Пока ничего не давать. Я приеду, хочу попробовать мазь, но нужно контролировать и это буду делать я, хорошо.

– Как хочешь – удивляется.

– Ладно, скоро буду – кладу трубку.

Бегом передеваюсь и вызываю такси. Только бы всё благополучно прошло и у меня всё получилось. Получилось тебя вылечить и поставить на ноги Руслан.

По пути заезжаю в аптеку и покупаю мазь для Руслана, только бы помогла.

Наспех переодевшись, спускаюсь к Руслану в палату. Из-под двери темно. Тихонько открываю дверь. В палате темно, может, он спит?

– Ты спишь? – спрашиваю тихо.

– Нет, я тебя ждал – отвечает мне.

Чем поражает меня, становится не по себе. Я ведь ушла и не помогла ему, хотя обещала. А он ждал...

– Прости меня – мне так неудобно становится – я не хотела тебя будить, когда вернулась – пытаюсь хоть как-то оправдаться перед ним и присаживаюсь на край кровати.

В темноте вижу очертания его фигуры, и его глаза отчего-то блестят в темноте.

– Ничего, я рад, что ты пришла – он берёт меня за руку.

От его слов так тепло на душе становится. Оказывается, мне его очень не хватало за эти несколько часов.

– Я тоже рада, видеть тебя – отчего-то признаюсь, ему и тихонько сжимаю его пальцы в ладони.

Отблеск от фонаря падает ему на лицо, и я замечаю, как он расцветает в улыбке. Это завораживает, он улыбается открыто и доверчиво. Он такой уязвимо открытый сейчас, аж, в груди щемить начинает от этого.

Глава 14. Марина

- Как ты себя чувствуешь? – переживаю очень за него.
- Уже лучше – сказал тихо, но его глаза блестели в свете фонаря, словно он волнуется. Наверное, он переживает из-за шва.
- Мне сказали, что у тебя воспалился шов, мне надо посмотреть, что с ним.
- Ты из-за этого вернулась? – говорит хрипло.
- Конечно я же переживаю за тебя.
- Извини, что сорвал из дома – он отпускает мою руку – уже обработали – говорит холодно.
- Что это с ним?
- Я знаю, но я хотела попробовать мазь, чтобы остановить воспаление – хочу объяснить ему.
- Хочешь на мне опыты провести – усмехается, но тут же морщится от боли.
- Руслан – кладу руку ему на плечо – я не собираюсь проводить опыты, я хочу помочь.
- Конечно я же твой первый пациент. Боишься, облажаться?
- Да что с ним такое?
- Нет, не боюсь! И к твоему сведению ты не первый мой пациент! За место я не держусь – вспоминаю про Петра Семёновича и Дарью, аж противно становится – я просто хотела помочь тебе, но, если ты против, ради Бога – поднимаюсь с кровати – я и пальцем к тебе не прикоснусь – иду на выход из палаты. Да сколько можно всем издеваться надо мною сегодня! Я тоже человек не железный! Облажаться. Да я очень боюсь последствий, вдруг у него начнётся аллергия на эту мазь, но попробовать стоило и ему бы легче стало. Обидно за такое отношение, чувствую, что слёзы подкатывают, и не хочу, чтобы он это почувствовал, поэтому спешу выйти из палаты, тянусь к ручке двери.
- Марин, прости – слышу его хриплый голос, и ноги словно к полу прирастают. Слышу, как скрипит его кровать, а потом он сдавленно стонет. Он что повернулся? Оборачиваюсь. Руслан и правда лежит на спине, зажмурившись.
- Включаю свет, он бьёт по глазам, но через несколько секунд, глаза привыкают, и я вижу всё.
- Руслан – подхожу к нему – зачем ты повернулся, тебе же нельзя пока – прикасаюсь к его плечу – давай обратно – хочу помочь ему повернуться.
- Но он и не собирается поворачиваться, пристально смотрит в глаза.
- Я не хотел тебя обидеть – его глаза поблёскивают, он волнуется? – Просто...
- Просто ты переживаешь...
- Ничего – пытаюсь его успокоить – переживу – натягиваю улыбку.
- Нет, правда, прости, я не должен был...
- Прощу, если повернёшься на бок – надо же его как-то заставить.
- Марин – он хмурится.
- Так пациент номер один, быстро на бок – моё терпение уже лопается.
- Он недовольно поджал губы, и повернулся на бок, не говоря ни слова, только поморщился от боли.
- Хорошо, хоть что-то.
- Вспомнила, что нужно обработать руки, и пошла к раковине.
- Уже уходишь? – доносится в спину.
- Да, я же боюсь облажаться, поэтому ничего делать не буду – не могу удержаться от колкости и открываю кран. Мою руки тщательно, и обрабатываю антисептиком.
- Когда подхожу к кровати, Руслан растерянно смотрит на меня.

– Давай посмотрим, что там у тебя?

Он выдыхает с облегчением и стягивает одеяло со спины.

Наклоняюсь над ним. Повязка сухая, слава Богу. Отклеиваю один край повязки и отгибаю.

Кожа вокруг шва немного припухшая и красная, возможно послеоперационный отёк, и он пройдёт сам по себе. Решаюсь прощупать и тихонько прикасаюсь к не повреждённой коже. Она показалась мне горячей, это плохо.

– Тебе температуру мерили? – спрашиваю.

– Нет – отвечает тихо.

Да уж, вот как его здесь одного оставишь?

Поднимаюсь и присаживаюсь рядом с ним.

Он взволнованно смотрит на меня.

– Сам шов сухой, это хорошо, но кожа вокруг воспалена. Это может пройти само, но она горячая, значит есть воспаление.

– И что делать? – спрашивает растеряно.

– Я хотела попробовать мазь, она гипоаллергенная и противовоспалительная, но на всякий случай лучше выпить антигистаминные, вдруг, что-то пойдёт не так – очень боюсь этого.

Ведь главный девиз врача – не навреди. А вдруг всё же пойдёт аллергия.

Руслан тяжело вздохнул и прикрыл глаза. Ему тоже страшно, наверное.

– Но можно и пока подождать, хотя у тебя и так повышены показатели СОЭ в крови, то есть возможно начинается воспаление и нужно что-то сделать с ним как-то купировать.

– Марин, делай, как считаешь нужным – сказал очень хрипло – а меня обжало волной паники, ведь он сейчас доверил свою жизнь мне фактически, а если и правда пойдут последствия – и чтобы не получилось я готов ко всему – он тяжело выдохнул и прикрыл глаза.

Страшно навредить, а бездействие ещё страшнее...

– Спасибо —не могу больше ему ничего ответить от нахлынувших эмоций.

Он доверяет мне, и я должна ему помочь, должна поставить его на ноги.

– Давай попробуем – говорю ему и поднимаюсь с постели, достаю из кармана мазь и таблетки.

– Хорошо – говорит тихо – его голос немного подрагивает.

– Не бойся, я буду рядом – говорю ему, хотя надо ли ему это.

– Это, уже обнадёживает – он улыбнулся и выдохнул с облегчением.

– Хорошо, начнём? – выдавливаю мазь на пальцы.

– Угу – буркнул и прикрыл глаза.

Наклоняюсь над ним и наношу мазь на кожу вокруг шва, стараясь не задеть повреждённые ткани. Руслан вздрагивает, от соприкосновения, чувствую, как напрягаются мышцы под пальцами, а по плечам ползут мурашки. От страха?

– Не переживай, должно помочь – пытаюсь его успокоить и приклеиваю пластырь обратно.

Укрываю его одеялом.

– Всё будет хорошо – обещаю ему, потому, что по-другому быть не должно.

– А почему воспалился? – спрашивает немного хрипло.

– Возможно, слишком рано лёг на спину, либо отёк ещё не прошёл, ведь лёд я приложила тебе поздно.

Поднимаюсь с кровати и подхожу к раковине. Смываю мазь с пальцев.

– То есть я завтра не встану? – в его голосе сквозит отчаяние.

– Посмотрим по твоему состоянию – подхожу к кровати и присаживаюсь рядом с ним.

В его взгляде зажигается надежда.

– Надо выпить таблетки от аллергии на всякий случай – достаю из кармана таблетки и даю ему одну в ладонь. Помогаю запить её водой.

– Спасибо – с тяжёлым вздохом опускается на подушку.

– Руслан теперь ты должен сообщать мне обо всех неприятных моментах, которые возникают где-либо. Жжение, зуд, боль, тяжесть дыхания, ну или вообще, если плохо тебе. Это очень важно, чтобы не пропустить начальные признаки аллергической реакции.

– Хорошо, не переживай, пока я себя нормально чувствую – он тихонько касается моей руки, его пальцы оказываются горячими, вспоминаю про температуру и прикладываю ладонь к его лбу, горячая, вот же, блин.

Он удивлённо смотрит на меня.

– Мне кажется у тебя жар – поднимаюсь с кровати – я сейчас принесу градусник.

Выбегаю в коридор, благо пост Ани рядом. На посту никого. Вот же. Осматриваю стеллажи возле стола. Нахожу градусники, обработанные, слава Богу.

Беру один и возвращаюсь к Руслану.

– Давай померим – ставлю ему градусник.

– Марин не переживай так – он берёт меня за запястье и притягивает на кровать – это всего лишь температура.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – не могу удержаться и провожу по его мягким волосам.

– Очень – он улыбнулся.

– Обманываешь – подкальываю его.

– Нет, правда спасибо, и прости ещё раз. Иногда я бываю невыносим, наверное, поэтому со мною никто не общается – грустно улыбнулся.

– Как это? А девушка, что приходила к тебе сегодня?

– Лина? – он удивился – она просто случайная знакомая.

Странно.

– Девушка одного пациента вашего же центра. Григорьева Дмитрия.

– У него тоже проблемы с позвоночником?

– Да, он снимал у меня квартиру, оборудованную под колясочников.

Колясочников? Да что с тобою произошло?

– У тебя есть такая квартира? Это же очень дорого оборудовать.

По его лицу проскользнула волна боли и какой-то безысходности, отчаяния.

Я поняла, что очень задела его вопросом, хочу извиниться, но он отвечает.

– Родителям ничего не жалко было для брата, они ему бы луну с неба достали, если бы он захотел.

Если у него такие богатые родители, то почему он лечится по бюджету у нас? Похоже, все лавры достаются только брату...

– Теперь это квартира моя, я жил в ней, когда – осекается – не мог ходить, а теперь её сдаю, чтобы было на что жить.

Какой-то резонанс в отношении к нему. Не мог ходить?

– Что случилось с тобою? – не могу удержаться от вопроса

Он зажмурился, словно ему очень больно.

– Прости, я не должна лезть к тебе с расспросами – беру его за руку.

Он тяжело выдыхает, словно решается на что-то очень серьёзное.

Глава 15. Руслан

Всё пережитое за эти полтора года снова возникает перед глазами. Авария, больница, родители, слова отца, потом мой персональный ад, нет не хочу вспоминать всё это с силой закрываю глаза.

– Прости, я не должна лезть к тебе с расспросами – слышу Марину и ощущаю её тёплые, и мягкие пальчики она сжимает мою ладонь.

Зачем тебе это рассказывать? Это моё, моя боль, моя жизнь...

Она пристально вглядывается в глаза, что тону в них какое-то время. Не надо её посвящать во всё это. Она ведь будет меня жалеть, а это хуже всего. Нет.

Но внутри словно прорывается наружу всё, что копилось во мне всё это время.

Пытаюсь нормально выдохнуть, но не получается успокоиться совсем.

– Всё будет хорошо, я тебе обещаю, слышишь – она тихонько гладит по плечу, а меня словно током прошибает от этого.

Она уже меня жалеет...

По её щеке скатывается слеза, она смахивает её и смущается.

– Не плачь, ты что – тянусь к ней, забывая про градусник под мышкой, он чуть не падает на пол.

Марина его подхватывает и выдыхает с облегчением, прикрывая глаза.

– Успела – она улыбнулась и разжала ладонь, вглядываясь в цифры.

Затем начинает хмуриться.

– Тридцать восемь, Руслан, у тебя жар – она ошарашенно смотрит на меня.

А я думаю, что голова тяжёлая, считал, что просто спать охота.

– Надо как-то снижать, как ты себя чувствуешь? – её голос подрагивает, она очень взволнована.

За меня? Она переживает за меня. От осознания этого аж дыхание сбивается.

– Нормально всё – хочу её успокоить.

– Ага – не верит – сейчас придумаю, что-нибудь – она поднимается с кровати – потерпи немного – она идёт на выход.

Слышу, как за ней закрывается дверь.

Только вернись, пожалуйста.

Похоже и правда температура поднимается начинает знобить отчего-то. Натягиваю одеяло до подбородка, так хочется тепла и её прикосновений. Ко мне давно так не прикасались, как она. Прикрываю глаза и похоже проваливаюсь в сон. Вижу Марину, она улыбается и бежит от меня по высокой траве, я пытаюсь её догнать, но в какой-то момент спину простреливает боль, и я падаю не могу пошевелиться, задыхаюсь от своей беспомощности, ненавижу себя за это. Зову Марину, потому, что пошевелиться сил совсем нет.

Ощущаю приятную прохладу, но затем становится мокро и раскрываю глаза.

– Тихе, сейчас должно быть лучше – Марина касается моего лица прохладными пальчиками и нежно гладит. Ощущаю что-то холодное на лбу. Веки такие тяжёлые, но я пытаюсь их поднимать потому, что невозможно оторвать взгляд от Марины, она такая красивая.

Сейчас немного строгая правда или серьёзная, она мочит в чём – то ткань и касается моего плеча. Щекотно.

Дёргаюсь и чуть не задыхаюсь от накатившей боли в спине.

– Тихе, постарайся меньше шевелиться – она протирает мне руку и гладит пальцами по ладони – держись, слышишь – она взволнованно смотрит мне в глаза.

– Не бойся, ты же рядом – только и могу ей сказать.

Спасибо, что вернулась и вообще, что рядом со мною и пытаешься помочь. Но силы словно покидают меня, прикрываю глаза, веки слишком тяжёлые и вместо всех слов, что вертелись сейчас на языке, получается, сказать только «спасибо».

Глава 16. Марина

Тридцать девять и пять. Температура у Руслана ползёт вверх семимильными шагами. Ничего не помогает.

Максим пару раз звонил Петру Семёновичу, но он не доступен.

Нужно что-то решать, так дальше продолжаться не может.

Максим в очередной раз заглядывает в кабинет.

– Не дозвонился – говорит – ну как он?

– Тридцать девять и пять.

– Блин.

– Надо вскрывать шов – решаюсь всё же это сделать.

– Наверное. Операционная занята сейчас.

Да что мне не везёт сегодня.

– Давай в перевязочной.

– Ладно, сейчас привезу каталку – он выходит из палаты.

– Держись – беру Руслана за руку.

Он не реагирует, спит крепко. Наверное, с такой температурой уже бред начинается.

Мне очень страшно за него, страшно, что не справлюсь или сделаю хуже, но я должна ему помочь.

Максим заводит каталку. Мы с ним аккуратно перекладываем Руслана на неё. Укрываю его простынёй, он ведь обнажён совсем. У него очень крепкое и накаченное тело, пресс, ловлю себя на том, что разглядываю его. Пока Максим не заметил этого, стараюсь быстрее укрыть его. Отвозим Руслана в перевязочную и перекладываем на кушетку. Притягиваю лампу ближе, чтобы видеть лучше шов.

Максим подаёт мне инструмент, и я вскрываю шов. Да действительно скопилась жидкость, которая уже была готова, просочится наружу. Промываем шов, и я снова накладываю мазь в рану, перевязываю и закрываю пластырем. Надеюсь, тебе станет легче, иначе я с ума сойду, уже начинаю чувствовать себя никчёмным врачом, неспособным вылечить одного очень близкого и родного человечка, который стал почему-то дороже всех на свете. Наверное, потому, что я дура, и полюбила его всем сердцем.

– Стала спадать, тридцать восемь и три – говорит Максим, когда захожу в палату к Руслану, после того, как всё убрала в перевязочной, так как никого из сестёр на посту, я так и не застала. Бардак полный здесь устроил Пётр Семёнович.

Слава Богу, надеюсь, я смогла тебе помочь Руслан.

Глава 17. Руслан

Открываю глаза, вокруг всё такое светлое, почти белое, слепит от белизны. Вспоминаю, что я в больнице. За окном светло, но солнца не видно, словно раннее утро. Ощущаю некоторую тяжесть на руке и перевожу взгляд.

Марина. Прижалась щекой к моей руке и тихонько посапывает. Уснула, солнышко. Её реснички трепещут, пухлые губки чуть приоткрыты, она такая серьёзная даже во сне.

Она была рядом со мною всю ночь? Помню, что она пыталась снизить мне температуру и протирала чем-то. И, похоже, ей это удалось. Чувствую себя намного лучше, чем вчера, голова не такая тяжёлая и шов как мне кажется меньше болит, но пошевелится не рискну. Не хочу её будить. Наверняка всю ночь не спала из-за меня. Мне так приятно становится от одной только мысли, что ей до меня есть дело и надеюсь, что для тебя стал кем-то большим, чем просто твой пациент, ведь ты для меня стала очень дорога за это недолгое время.

Странно, но мне очень хочется, чтобы она была рядом всё время. Мне с ней легко и так хорошо, словно я не жил до нашей с ней встречи. Хотя и не жил фактически, забыл, как это, когда ты кому-то нужен, а нуждаться и привязываться к кому-то ещё тяжелее и страшнее. А вдруг всё это тебе только кажется и стоит только открыть душу, как ты окажешься не тем, не достойным, не нужным, не таким, каким тебя видели и представляли, опять разочаруешь и окажешься не нужным. Чем больше откроешься и примешь в душу, тем больше падать и терять, выскребать всё это из души и сердца, разорванных в ошмётки, в очередной раз, а после того одиночество. Хотя быть одному не так уж и плохо, надеешься только на себя и не ожидаешь предательства и ножа в спину.

– М – Марина тихонько простонала и чуть повернулась.

Она распахнула глаза и сонным взглядом посмотрела на меня, а затем тепло улыбнулась и прикрыла веки.

– Руслан – она резко поднялась – я уснула, прости. Ты как? В смысле, как ты себя чувствуешь?

Она приложила ладонь к моему лбу и очень растерялась. А мне стало смешно от её растерянности, что не смог сдержать улыбки.

– Не горячий, слава Богу – выдохнула с облегчением.

Перехватываю её ладошку, когда она торопливо убирает её от моего лба и сжимаю в своей.

– Ты всю ночь не спала со мною.

– Старалась, но похоже в четыре всё же заснула, после того как у тебя спала температура.

Я в шоке от неё, со мною ещё никто из врачей так не нянчился.

– Прости – только и могу ей сказать.

– За что? – её глаза расширяются от удивления.

– За то, что не дал отдохнуть, выспаться и вообще сорвал из дома.

– Руслан – она хмурится – перестань говорить глупости, это моё решение и тем более я бы не смогла оставить тебя в таком состоянии. И я рада, что тебе стало лучше – она сжимает мои пальцы в ответ, не хочу выпускать её ручку из своей ладони.

– Расскажи, что было ночью, я плохо помню – прошу её.

– У тебя не сбивалась температура, и я приняла решение вскрыть шов и промыть, так как там скопилась жидкость и вызвала воспаление. Мы с Максимом промыли, перевязали твой шов. Температура после этого стала падать потихоньку и стала нормальной где-то к четырём часам. Теперь надо делать ежедневные перевязки и не допустить осложнений. Я положила мазь, она должна помочь.

С Максимом? Это дежурный врач, который вчера заходил ко мне, наверное.

– Спасибо – говорю ей.

– Пока не за что – устало, улыбается в ответ.

– За то, что помогла.

За то, что не оставила и была рядом, когда могла бы забить и остаться дома. Она необыкновенная.

– Ты устала со мною сегодня. Тебе нужно восстановиться. Отдохни дома.

– Я совсем не устала – недовольно хмуриться в ответ.

– Я хочу, чтобы ты отдохнула, и полная сил вернулась меня поднимать – улыбаюсь ей – ведь ты обещала меня поставить на ноги сегодня – вспоминаю её слова.

– Ну да, просто боюсь, что тебе хуже будет – она встревоженно вглядывается в глаза.

Не переживай так, солнышко.

– Всё хорошо со мною, и болеть меньше стало. Ты хуже мне сделаешь, если свалишься рядом от усталости. Береги себя, ведь ты нужна мне.

Как никто другой нужна. Не прощу себе, если ей станет плохо из-за меня.

– Боишься, что Пётр Семёнович тебя на ноги не поставит? – улыбается.

– Мне обещала ты, и я уже настроился. Ты решила меня обломать?

Она смеётся так задорно и весело, что не могу сдержать улыбки в ответ.

– Раз обещала, то обязательно выполню. Ты встанешь на ноги, не переживай – говорит уже серьёзнее – и ты прав мне нужно привести себя в порядок. Но я постараюсь вернуться к обеду. Так – она оглядывается и берёт ручку с бумагой с тумбочки и что-то пишет – вот мой номер телефона, если что не так или тебе плохо, или что-то нужно, в любом случае звони – она кладёт всё на тумбочку.

– Прямо в любом? – стебусь.

– В любом – улыбнулась.

– А если мне просто грустно станет?

– В этом случае обязательно – она наклоняется к моему уху – обещаю развеселить – нежно касается губами скулы.

От прикосновения побежали мурашки по шее, а в груди разлилось тепло. Не могу удержаться и обнимаю её одной рукой, и притягиваю к себе. Взвизгивает и присаживается на кровать, прижимаю ближе к себе.

– Тогда я обязательно позвоню – отвечаю ей на ухо и вдыхаю её тонкий цветочный запах, будоражащий и сводящий с ума.

Скольжу, едва касаясь губами по тонкой коже, скулы её дыхание сбивается, как и моё, когда опускаюсь к губам, словно током прошибает. Останавливаюсь, пытаюсь не спешить, выровнять дыхание, не падать в омут с головою, но меня накрывает желанием поцеловать, попробовать на вкус, хочу их до безумия. Впиваюсь в них, отпуская себя.

Они мягкие и податливые, сладкие, сочные, м, с ума сойти, какая же она необыкновенная и отзывчивая, нежная, моя девочка. Моё сердце вскочит сейчас, наверное, но не обращаю внимания на это, ведь она ответила мне. Ответила...

Глава 18. Марина

Прикрываю глаза и пытаюсь расслабиться. Губы всё ещё покалывает от поцелуя Руслана. Он был такой нежный, трепетный, он сначала немного растерялся, когда прикоснулся, словно спрашивал разрешения и не встретив сопротивления поцеловал очень сильно, настойчиво и страстно.

Я очень боялась открыть глаза и не верила в реальность происходящего. Но мне очень понравилось. Руслан после этого так счастливо улыбнулся и, по-моему, выдохнул с облегчением. Надеюсь, это была не просто благодарность за бессонную ночь и помощь.

Руслан очень переживал, что я не спала всю ночь из-за него, и настоял на том, чтобы я пошла домой отдыхать. Конечно, он прав, не выспавшаяся и уставшая я ему мало чем помогу.

Максим кое-как дозвонился до Петра Семёновича под утро, и он обещал сегодня приехать и сам всё проверить. Максим любезно согласился сам всё ему передать по смене и отправил меня домой отдыхать. Надеюсь Пётр Семёнович с Дарьей не сделают хуже Руслану.

До дома добираюсь из последних сил и заваливаюсь на кровать, позабыв про завтрак. Сказывается бессонная ночь и меня отрубает.

Открываю глаза за окном такой красивый алый закат, необыкновенно красивый. Любуюсь бегущими синими облаками по красному небу, красота.

Интересно который час? Смотрю на часы пять вечера. Ох, ничего себе! Я же обещала Руслану приехать к обеду. Проверяю сообщения, входящих нет. Как ты там солнышко? Я ведь не записала его телефон, хоть бы узнать в порядке он или нет.

Привожу себя в порядок и вызываю такси. Очень тороплюсь к Руслану, надеюсь с ним всё в порядке.

Не поднимаюсь в ординаторскую, не хочу встречаться ни с Дарьей, ни с Петром Семёновичем. Меня до сих пор передёргивает от телефонного разговора с Петром Семёновичем. Раздеваюсь в общем гардеробе и прохожу сразу к палате Руслана. Застаю на посту Аню.

– Привет! – она улыбается мне очень загадочно, словно хочет мне что-то рассказать.

– Привет! Как тут дела?

– Ходит уже твой Каримов. А сегодня вообще с девушкой обнимался в коридоре.

От её слов, ноги подкашиваются просто. С девушкой?

– Какой? – не узнаю свой голос.

– Симпатичной, она правда очень расстроена была, я ей даже успокоительного дала, чтобы не всполошила нам тут народ.

Расстроена? Странно очень. И как он мог сегодня меня поцеловать, а днём уже с другой обнимался у всех на глазах.

– Ну, ты чего, расстроилась? – удивляется Аня – радоваться надо, что ходить начал, Его Семён Петрович сегодня встать заставил.

Семён Петрович на ноги тебя поставил, другую обнимаешь при всех, а я значит, не нужна теперь, даже смс не заслужила. Дура я влюблённая. Обидно до жути. Ну, почему я влюбляюсь не в тех мужиков, а? Больно до слёз.

Теперь можно увольняться со спокойной совестью, ты на ногах, как и хотел.

– Где найти Петра Семёновича? – спрашиваю у Ани и спешу ретироваться, пока она не заметила моего состояния сейчас.

Глава 19. Марина

В ординаторской уже никого нет кроме Максима, он приветливо мне улыбается.

– Привет, решила во вторую смену заступить?

– Почти, а Пётр Семёнович уже ушёл?

– Да, полчаса назад.

– Блин.

– А что ты хотела? У Коримого твоего всё на лад пошло, даже вставал сегодня.

О его похождениях я уже слышана.

– Уволиться хотела – обессилено опускаюсь в кресло.

Да Зотова, ты даже уволиться нормально не можешь.

– Чего? Тебя Пётр Семёнович что-ли отчитал, за самодеятельность? – удивляется.

– Нет, я сама решила.

– Ты чего это решила?

– Да так, поняла, что не для меня это – тянусь к ручке на столе и листку чистой бумаги – к тому же испытательный срок.

– В один день? Ты с ума сошла?

– Нет, решила вернуться в районную, от меня там меньше вреда пациентам – пытаюсь свести всё на шутку и начинаю писать текст заявления на листе, хотя внутри всё подпрыгивает и совсем не до смеха.

Обнимался с девушкой – голос Ани засел в голове не вытравить.

– Марин, ты, что серьёзно? – Максим подходит к столу и заставляет оторваться от листа, опирается на стол руками и нависает надо мною – после одного дня? Пётр Семёнович наоборот похвалил тебя, что всё-таки вскрыла и промыла ему шов, Марин ты чего?

– Да я по личным причинам – не узнавая свой голос, отвечаю ему.

Мне гораздо легче будет не видеть Руслана каждый день и не испытывать это всё каждый раз при встрече с ним.

– Объяснишь? – не унимается Максим.

Мотаю головой в ответ. Не хочу никому ничего говорить и рассказывать, ведь это только мои чувства и скорее всего не взаимные, раз он с такой лёгкостью переключается с одной на другую.

Не хочу, чтобы Максим видел мои слёзы, которые на подходе, поэтому поднимаюсь из-за стола и выбегаю из ординаторской, не смотря на уговоры Максима.

Закрывшись в кабинке туалета, даю волю накопившемуся эмоциям, зачем я только поверила Руслану, зачем привязалась к нему? Ведь я совсем не знаю его. Но его поцелуй сегодня был таким чувственным и нежным, что в голове просто не сопоставляются картинки с другой девушкой. Этого просто не может быть, не может. Как же больно то, понимать, что тебя обманывают, и для него ты являешься одной из многих и совсем не эксклюзив, когда этот человек для тебя является особенным. Дура влюблённая!

Неожиданно в кармане вибрирует телефон, оповещая о сообщении. Достая телефон, сообщение с незнакомого номера.

«Привет. Как ты себя чувствуешь? Отдохнула? Я очень соскучился. Ты придёшь сегодня? Руслан.»

Соскучился... Сейчас я тебе покажу как я скучала!

Умываюсь холодной водой, пытаюсь скрыть следу слёз, но не очень-то выходит. Ладно, пойду как есть, в конце концов я больше не буду с ним видаться и поставлю точку сегодня на всём.

Подхожу к его палате и стараюсь спокойно выдохнуть, ничего не выходит, колотит внутри как ненормальную.

Открываю дверь. Руслан стоит, опёршись о ходунки и что-то смотрит в телефоне на тумбочке.

– Привет – он переводит взгляд на меня и широко улыбается, но через секунду, улыбка стекает с его лица.

– Марин, что случилось? – он медленно шагает ко мне навстречу.

Ты случился в моей жизни. И как теперь всё сказать ему, глядя в его невероятные голубые глаза, которые сейчас полны тревоги и беспокойства.

Глава 20. Руслан

Кое-как отпустил от себя Марину. Она необыкновенная, меня поразило, что она провела рядом со мною всю ночь и большую часть её не спала из-за меня. Беспокоилась и переживала обо мне. От осознания этого становится не по себе. За последнее время я отвык от того, что кому-то до меня есть дело. А Марина не кто-то посторонний, она стала очень близкой для меня за это время. Она спасла меня фактически и уже не один раз.

А как она ответила на поцелуй, м. Я чуть с ума не сошёл от той волны чувств, что накатила на меня после прикосновения с её губами. Нежные, податливые, такие манящие. Она ласково ответила мне от этого ощущения, чуть не задохнулся, её нежность и ласка оглушила просто. Она необыкновенная.

Она немного смутилась после нашего поцелуя и покраснела. Её реакция вызвала улыбку. Она поражает меня всё больше, такая стеснительная. Поцеловал её в кончик носа, чтобы не стеснялась больше, и она улыбнулась в ответ. Так тепло в груди стало и что-то давно забытое, похороненное всколыхнулось, не давая ровно вздохнуть.

Я отпустил Марину, точнее уговорил её поехать домой отдохнуть. Она и правда выглядела очень уставшей, и я очень рад, что она оставила мне свой номер телефона. Теперь у меня есть незримая ниточка, связывающая нас, и я в любой момент могу услышать её голос, это здорово.

После того как Марина ушла в палату зашёл Пётр Семёнович. Он выглядел очень серьёзным и даже немного озабоченным что ли.

Он осмотрел мою спину, сказал, что хорошо, что шов почистили и пока он выглядит нормально.

После чего он разрешил мне встать, рассказал, как это правильно сделать. Мне так хотелось, чтобы Марина была рядом и увидела, что я уже встаю, но, увы, её не было. Под руководством Петра Семёновича я поднялся, преодолевая боль, опираясь на ходунки. Первый раз получилось неуклюже и больно так, что искры из глаз посыпались. Но я сделал первый шаг. Неуверенный, маленький шагочек, но он получился, ура!

Больно было шов, поясницу, но не ногу. Наконец-то я избавился от этой боли в ноге, операция стоила того. Всё получилось, слава Богу.

Первое, что пришло в голову это позвонить Марине и рассказать ей, обрадовать. Но я тут же себя одёрнул. Она должна отдохнуть. Пусть придёт и увидит меня во всей красе.

Не думал, что столько сил уйдёт на поход по палате первый раз, но это того стоило.

Уставший, но счастливый я уснул, в ожидании, что к обеду Марина вернётся.

Но к обеду она не пришла. Я решил повторить подвиг и встал самостоятельно. Второй раз уже не так страшно и уже привычнее как-то.

Выбрался из палаты и решил немного прогуляться по коридору.

Меня охватывает радость от того, что я снова хожу, это здорово. Неужели я скоро вернусь к полноценной жизни, даже не верится после всего.

Неожиданно вижу в коридоре Лину. На ней лица нет, она плачет и при чём, очень сильно, прикрывая рот рукой. Она меня не видит и идёт, опираясь о стену. Что случилось?

Окрикиваю её, она медленно поворачивается ко мне.

Иду к ней на встречу, видимо резко дёрнулся, спину прострелила боль.

– Что случилось? – спрашиваю её.

Она подхожу ко мне сама, видимо понимает, что мне больно двигаться.

– Всё нормально – пытается сказать спокойно, но я-то вижу.

– Ага, и поэтому ты плачешь?

– Тебе уже можно ходить? – пытается сойти с темы

– Да сегодня попробовал. Так ты расскажешь, в чём дело? – настаиваю.

– Мы с Димой расстались – она плачет, не может нормально говорить даже.

Это же надо было этому придурку, довести девчонку! О чём он только думал, ведь он в кресле, и она его приняла таким, каков он есть, а это дорогого стоит, это ценить нужно, а он?

– Эй – беру её за ручку и тяну к креслам.

Она присаживается. Опускаюсь рядом, кое-как сдерживаюсь, чтобы не вскрикнуть от боли.

– Иди сюда – её нужно успокоить, обнимаю слегка и притягиваю к плечу.

Мне больно поворачиваться, но терпимо пока.

– Тише —успокаиваю и поглаживаю по голове, как она вчера, пыталась мне помочь.

Но она отчего-то плачет ещё сильнее. Что он ей наговорил?

– Вот, возьми, это успокоительное – слышу голос медсестры, она вчера мне укол хотела сделать, а Марина её остановила. Ангел хранитель мой. Слава Богу ты появилась в моей жизни.

Медсестра подаёт таблетки и стакан воды мне.

– Спасибо – забираю всё у неё из рук.

– Держи – протягиваю ей стакан.

– Спасибо – она делает несколько глотков воды и прикрывает глаза, тяжело выдыхая.

Вкладываю ей в ладонь пару таблеток.

– Выпей, поможет – уговариваю её.

– Спасибо – она выпивает таблетки

– Что между вами произошло? Было же всё хорошо? – хочу узнать всё же.

– Было. Я и сама не поняла. Он ни с того не с сего сегодня захотел остаться здесь ночевать.

А когда я приехала, сказал, что всё кончено. Он наигрался, и я ему противна – она прикрывает лицо руками.

Разве можно так поступать с людьми, которых любишь? Ведь это самое дорогое, что у тебя есть.

– Тебе больно? – обеспокоенно спрашивает, наверное, на лице всё написано.

– Мне? Нет. Я просто представил, каково это было тебе слышать. И это не с того не с сего?

Она кивает.

– А у него с головой всё в порядке?

Поражаюсь ему до сих пор.

– Конечно. Я не знаю, что у него сегодня случилось. Я вообще его дома ждала.

– Странно очень.

– Да ладно, что теперь. Не хочет меня видеть не надо, не могу же я навязываться, если он послал меня.

– То есть?

Послал???

– Он попросил свалить из его жизни и выгнал вон из палаты.

Ну точно не все дома у него!

– Бред. Что-то по любому случилось – пытаюсь понять.

– Мне тоже так кажется или это глупая надежда не знаю.

– Ладно, не переживай, остынет завтра, сам ещё извиняться будет – пытаюсь её ободрить.

– Я не смогу простить ему тех слов, что он мне сказал.

Это, чего же он наплёл ей, что она опять плачет?

– Ну, всё тише – беру её за руку – успокойся – сжимаю её пальчики и вспоминаю, как Марина меня также поддерживала вчера. Маринка, когда же ты уже вернёшься, я уже скучаю.

– Ты сам то как? – наверное, лицо меня выдало.

– Я? Немного шевелюсь, видишь. Мой первый поход и такой удачный, встретил тебя – улыбаюсь.

– Спасибо – сжимает мою ладонь в ответ.

К нам подходит мед сестра.

– Руслан Вам пора на укол, идёмте.

– Да – кивнул ей и отпустил её руку.

Пётр Семёнович назначил витамины и иммуностимулирующие, чтобы быстрее восстановится.

Поднимаюсь с кресла, облокачиваясь о ходунки, и делаю первый шаг.

– Спасибо, что поддержал – она меня останавливает.

– Не переживай так больше – прошу её.

Она наконец-то улыбнулась.

– Пока – подмигиваю ей и иду к медсестре.

– Пока Руслан – она машет мне рукой на прощание.

Почему мы не ценим то, что имеем. Ну, зачем он сорвался на девчонке? Ведь, даже, если настроение ни к чёрту, помню сам в такой же жопе депрессивной находился по поводу инвалидного кресла, но ведь близкие не виноваты в этом. Он радоваться должен, что Лина рядом, а не отталкивать. Ведь одному ещё тяжелее с этим справляться, сам знаю.

Мне ставят укол, и путешествую обратно в палату. Проверяю телефон, вдруг она позвонила или написала? Но в ответ тишина. Наверное, отдыхает. Она и так много времени и сил на меня потратила.

Пару часов проходят в гипнотизировании телефона. Ну позвони мне пожалуйста Марин или напиши, что с тобою всё в порядке. Ну, что ты молчишь?

А вдруг у неё нет моего номера? Она ведь свой оставила и сказала звонить в любом случае.

Решаюсь и пишу ей сообщение «Привет. Как ты себя чувствуешь? Отдохнула? Я очень соскучился. Руслан» Подписываю на всякий случай. Отправляю.

Жду ответ. Сообщение прочитано, но ответа нет. Да что же это такое? Сколько можно издеваться надо мною.

Поднимаюсь с кровати и подхожу к окну. На улице уже смеркается. Неужели ты решила оставить меня Марин? От одной только мысли об этом сердце сжимается. Ведь я же поверил тебе.

Подхожу к тумбочке и ещё раз проверяю телефон. Нет ответа.

Неожиданно распахивается дверь палаты и заходит Марина. Я так рад её видеть, что улыбаюсь, наверное, как дурак, сердце от радости сейчас выскочит, наверное.

– Привет – говорю ей.

Но она чем-то расстроенная и мне кажется, даже плакала

– Что случилось? – не узнаю свой голос и иду ей на встречу, хочу обнять и прижать к себе.

Глава 21. Марина

Руслан, какой он высокий, оказывается. Он медленно идёт мне на встречу, опираясь о ходунки, сильно морщиться. Ему же двигаться больно, не хочу, чтобы он мучился, поэтому иду к нему на встречу сама.

– Что случилось, Марин? – он обходит ходунки, встаёт передо мною, обнимая за плечи, заглядывает в глаза.

Всё что хотела ему сказать, просто вылетает из головы под его пытливым взглядом. Но возможно он так же обнимал и смотрел сегодня на другую девушку. Становится больно от этого очень.

– Ничего страшного – выдавливаю из себя улыбку – ты уже ходишь – немного отстраняюсь от него. Надо держать дистанцию.

– Ну да. Пришлось сегодня встать без тебя, но вроде не плохо, получается – скромно улыбнулся и закусил губу – ты не ответила мне.

Ну что тебе сказать?

– Я рада, что ты ходишь, значит, моя помощь уже не понадобится.

– Что? – его голос садится.

Он поражённо смотрит на меня, его руки безвольно опускаются вдоль тела, отпуская меня.

– Помощь? – говорит глухо – ты просто помогала мне, как своему пациенту – он отшатывается от меня и хватается за ходунки.

Он очень тяжело выдыхает и с такой силой сжимает поручни, что костяшки его кистей стали белыми. Неужели ему это так неприятно слышать. Он больше не смотрит на меня.

– Наверное, утром, я ещё не отошёл от жара и позволил себе лишнее, прости – его голос звучит глухо, он отворачивается от меня.

Это он про наш поцелуй?!

А вот это уже больно! Лишнее значит!

– Наверное, не только со мною ты позволял себе лишнее, во всём жар виноват, да – не могу удержаться и не задеть его – что же ещё, конечно, только с жаром не шатаются по коридорам и не обнимаются, а в постели лежат и восстанавливаются.

Но надо успокоиться и поставить точку – я вообще...

– Что? – перебивает меня и морщится, словно ему очень больно – ты о чём сейчас говоришь?

– Я, да так, не о чём, я вообще попрощаться заходила, я...

– Каком коридоре? О чём ты Марин? – непонимающе смотрит на меня.

Решил скрыть всё от меня отлично.

– Да уже не важно – отмахиваюсь и пытаюсь сохранить равнодушный вид, надо уходить, наверное.

– Ты про Лину, что ли? – вышибает пол из-под моих ног и удивлённо смотрит на меня.

Лина? Это та девушка, что выходила от него вчера. Девушка парня из нашего центра, он же говорил вчера.

– Я не знаю, да хоть про Малину, мне всё равно – поворачиваюсь к двери, нервы уже сдают.

Руслан неожиданно начинает смеяться, так весело. Весело тебе да! Развлекаешься!

Но, почему-то стыдно становится, что так подумала про него так, ведь в глубине души верила, что здесь, что-то не так. Ну почему сначала надумаешь всего вместо того, чтобы просто спросить и поговорить с человеком, с близким и родным.

– Марин – неожиданно обнимает меня за плечи и притягивает к груди спиной – дурочка – говорит на ухо – ты ревнуешь что ли? – мурлычет мне на ухо.

Ты ещё издеваешься?

Пытаюсь отстраниться, но он крепче прижимает к себе и тихо стонет, сжимается весь. Вспоминаю, что ему двигаться то нормально ещё нельзя.

– Руслан, отпусти, тебе резкие движения нельзя делать – пытаюсь оттянуть его руки от своих плеч.

– Нет, мне одну дурочку ревнивую потерять никак нельзя, а это я переживу – крепче обнимает и прикасается губами к моей скуле нежно так, что ноги подкашиваются, прикрываю глаза – нет никого у меня, Марин, только ты.

Его слова рожают тепло в душе.

– А потом скажешь, что это опять бред и жар во всём виноват – не могу удержаться от подкола.

– Прости – утыкается носом в шею и жадно втягивает воздух – я подумал, что не нужен тебе такой.

Чего?

– Ты не пришла в обед, не ответила на смс, сказала, что просто помогала мне, а... а это больно – тяжело выдыхает – я ведь весь день тебя ждал, хотел обрадовать, а получилось. Поэтому я подумал, что для тебя я просто пациент и не более того.

Дурачок. И не останови он меня, наделала бы непоправимого. Потеряла бы его, а он очень ранимый внутри, уязвимый такой. Обидела бы его сейчас очень сильно. Реально ревнивая дура! Почему иногда нами правят эмоции, а не разум.

– Это ты прости меня – поворачиваюсь к нему лицом – ты для меня не просто пациент, ты стал кем-то особенным, очень близким и дорогим. На самом деле я очень боюсь тебя потерять. А сегодня я подумала, что у тебя есть другая девушка, с которой ты обнимался в коридоре.

– Никого у меня нет, Марин – говорит хрипло и легко гладит кончиками пальцев по моей щеке – только тебе есть дело до меня – уголок его губ нервно дёргается, ему очень сложно даются эти слова.

От его слов становится не по себе. Неужели он был так одинок и ему до сих пор так больно от этого.

– У тебя есть я – решаюсь сказать ему.

Он пристально вглядывается в глаза, словно не верит.

– Я хочу быть с тобой – признаюсь ему – прости, что по глупости чуть не ушла. Ты очень важен и дорог для меня – тянусь к его лицу.

Целую его в чуть колючую щёку, он очень напряжён.

– Правда? – его глаза заблестели.

– Ты нужен мне такой, и я не оставлю тебя больше, слышишь – обнимаю его за шею, он рвано выдыхает и обнимает крепче.

– Спасибо – глухо говорит и опускает голову мне на плечо, рвано выдыхая, а у меня сердце сжимается от его слов, насколько же он был одинок.

Глава 22. Руслан

Прижимаю к себе Марину и поверить до сих пор не могу, что она со мною. Она рядом. И ведь чуть не ушла, а я не отпустил. Подумал, что не взаимны мои чувства к этой девушке.

Очень страшно довериться и впустить кого-то в свою душу. Но и быть на расстоянии с Мариной я больше не в силах. Мне хочется прикоснуться к ней, ощущать, что она рядом и её прикосновений очень хочется. Она очень нежная и заботливая.

Но ведь она сказала, что зашла попрощаться – доходят до меня её слова. Немного отстраняюсь и заглядываю в её глаза.

– Почему ты сказала, что зашла попрощаться?

– А – она потупила взгляд – я хотела уволиться и даже начала писать заявление.

От её слов в душе всё сжимается. Она же обещала мне два дня ещё и я надеялся, что она передумает.

– Почему?

– Руслан – она тяжело выдыхает – мне не очень понравился здесь коллектив и мне проще вернуться обратно – она отходит немного назад и нервно закусывает губу.

Врёт?

– Но ты же обещала мне и с утра такого настроения у тебя не было?

Становится больно стоять без опоры и поворачиваюсь к ходункам, притягиваю их к себе ближе опираясь.

– Сколько ты уже на ногах? – она хмурится.

Доктора включила и решила не объяснять мне всё?

– Не помню, пару часов может быть. Я не знаю – выходит более резко чем хотел.

– Вернись в постель, тебе ещё рано так по долгу ходить, и стоять – касается моего плеча, подталкивая к кровати.

Отлично вот и поговорили.

Молча подхожу к кровати. Как же не хочу корячиться при ней, ведь нормально садится, даже нельзя. Неуклюже и неловко, получается лечь в кровать. А правда легче стало, не так всё болит, прикрываю глаза и выдыхаю с облегчением.

Чувствую, что матрас прогибается. Марина присела рядом, ощущаю её даже через одеяло. Укрывает меня и тихо касается плеча, поглаживает. Не хочу открывать глаза, боюсь, опять натолкнуться, на её нежелание мне открыться. Хотя я и сам ей мало, что рассказываю о себе.

– Я хотела уволиться сегодня не только из-за коллектива – слышу её тихий голос и открываю глаза.

Она не смотрит на меня, отвернулась и разглядывает пол под ногами.

– Я проспала сегодня почти весь день, а как только проснулась, помчалась к тебе. У меня же не было твоего телефона, и я очень переживала за тебя, тем более ты ничего не писал – она тяжело выдыхает. —А когда пришла, то мед сестра рассказала мне о том, что видела тебя с девушкой, и ты обнимал её.

– Марин – сгребаю её прохладные пальчики в свою ладонь.

Она поднимает на меня взгляд.

– Я подумала, в тот момент, что всё, что произошло утром, для тебя не имело значения, раз ты обнимаешься с другой девушкой.

Да как ей в голову то такое взбрело. Для меня это было очень важным и, наверное, единственным, когда я ТАК боялся не ответа с её стороны.

– Для меня было бы очень болезненным и малоприятным видеть тебя каждый день и лечить тебя. Я бы просто не смогла, поэтому я и решила уволиться, правда Максим мне так и не дал дописать заявление.

– И правильно сделал, хоть у кого-то здесь сохраняется холодная голова.

Она недоумённо смотрит на меня, а я поражаюсь, как от недоразумения она чуть не наде-
лала глупостей.

– Марин, почему ты не поговорила со мною сначала, а?

– А думаешь так легко подойти к тебе и обо всём расспросить. Я практически ничего
о тебе не знаю. Я не знаю, что ты за человек и насколько искренен со мною! – она поднимается
с кровати и подходит к окну, отворачивается и тяжело выдыхает.

Не знает меня! Искренен ли я! А она не видит этого? Не замечает? Не по себе становится
от её слов.

– Марин я тебя не обманываю – не узнаю свой голос.

– Я знаю, извини – она оборачивается и подходит к кровати – прости, я не хотела тебя
обидеть. И я верю тебе. Просто я боюсь обжечься.

– Я тоже Марин.

– Правда? – отчего-то удивляется.

Знала бы ты как.

От нахлынувших эмоций только могу кивнуть ей в ответ.

– Прости меня – сжимает мою ладонь своими пальчиками – мне очень было плохо
от одной только мысли, что у тебя другая, Руслан – в её глазах блестят слёзы.

У меня в груди всё сжимается от её слов.

– Иди ко мне – тяну её к себе за руку.

Она наклоняется и обнимает меня, опуская голову мне на плечо. Притягиваю её ближе
к себе.

– У меня есть только ты – целую её в висок – и мне тоже было больно от того, что ты
пришла попрощаться – касаюсь губами нежной кожи виска, вкладывая все чувства к девушке –
ведь я ждал тебя, потому, что ты стала очень важным человечком для меня. А когда ты сказала
о помощи...

– Тише – она приподнимается и кладёт свои пальчики мне на губы не позволяя говорить –
не надо. Я тебе не просто помогала, я очень боялась за тебя, потому, что ты для меня стал
очень близким.

Близким... Такие странные чувства вызывает это слово в груди.

– Но ты не знаешь меня – до сих пор неприятно от этих слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.